ВОЗВРАЩЕНИЕ ТУРЕЦКОГО
ФРИДРИХ
НЕЗНАНСКИЙ
Чисто астраханское убийство

Фридрих Евсеевич Незнанский

Чисто астраханское убийство

Серия «Возвращение Турецкого»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011704
Чисто астраханское убийство: Роман: Олимп: Астрель; Москва; 2009
ISBN 978-5-7390-2414-5

Аннотация

Турецкий и его друг Грязнов во время отдыха на рыбалке в астраханской станице оказались втянутыми в расследование «громкого» преступления. Местный житель-пчеловод расстрелял из автомата троих своих соседей и сбил машиной четвертого. Против него собраны впечатляющие улики. Но с точки зрения некоторых жительниц станицы, обвинения против пчеловода выдвинуты ложные. Принимаясь за частное расследование, Грязнов с участием Турецкого, помогающего ему из Москвы, находит факты, которые противоречат заключениям следствия, и вступает в конфликт с руководством правоохранительных органов.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 31
Глава третья 56
Глава четвертая 78
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Фридрих Незнанский
Чисто астраханское убийство

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2009
© Оформление. ООО «Издательство Астрель», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава первая
Генерал на крючке

– Здравствуй, мой генерал!

– Сам такой, – огрызнулся Грязнов, но по тону Турецкий понял, что тот доволен тем, что о нем вспомнили коллеги. Не успел приехать и разместиться, и вот уже первый звонок. – Что, туго без начальника?

– Наоборот, – засмеялся Турецкий, – как говорили в недавние времена, по одной путевке весь коллектив отдыхает.

– Вот сукины детки! – рассмеялся и Грязнов. – Значит, соскучились. Слушай, Саня, если в конторе ко мне нет вопросов, а у тебя может выпасть свободная неделька, ты бы прикатил, а? Я еще всерьез за дела не взялся, но по тем приметам, которые наблюдаю, рыбалка здесь ох…ренительная! Да какие экземпляры, Саня! О царе-батюшке и не говорю, сомы – по сорок кэгэ! Давно ты таких видел? То-то!

– А разве царя твоего можно брать? Он же занесен, по-моему, в какую-то книжку?

– Нежелательно. Но рядом, как говорят, через дорогу, Калмыкия свой нарез имеет на обоих берегах, и уж там, у них, не стесняются. И берут, и торгуют. Теплоходы проплывают мимо, так они на своих моторках догоняют и чуть ли не

в иллюминаторы острые морды суют! Картинка, скажу тебе, та еще! А здешние берут понемногу – на собственный стол. Ну… а, в общем, и с икоркой – в каждом доме. Но браконьерство в массовых масштабах пресекается, и я тебе скажу: правильно. Зато судака, Саня, просто немеряно! И стерлядочки! А ты ж меня знаешь, я больше по этой части охотник. А сомов коптят либо на котлеты пускают, Саня, сплошное объедение! Приезжай, не пожалеешь, да и старика утешишь своим присутствием, а то я все никак от своего уссурийского одиночества не отвыкну. Бирюком кажусь, наверное, своей молодухе-хозяюшке.

– Да-а? И такая добыча водится?

– Водится, Саня, еще как водится. Так глазками и посверкивает, совсем разучились девки заслуженную седину уважать, так и норовят проверить.

– Ну, ты, надо понимать, протестуешь?

– Вяло, Саня, очень вяло и неохотно. Да и что я мог успеть за два дня?!

– Не знаю, прежде, помнится, ты и за два часа справлялся. Может, действительно постарел, а, генерал?

– Не дразнись, лучше приезжай, не пожалеешь, повторяю. А ехать совсем просто: стал на трассу М-6 и гони себе прямо до Ивановской, ровно тыща двести пятьдесят один кэмэ от Первопрестольной. А спросишь дом Дуси Мамонтовой, моей хозяйки, ее тут все знают, видная женщина. И угораздило же меня, ей-богу… Это все Лешка Привалов затеял, аст-

раханский начальник ГУВД. Будешь, говорил, как у Христа за пазухой. А я как посмотрел, сразу подумал, что там и ты поместишься.

– Заботливый ты мой, – рассмеялся Турецкий, – мне только за пазуху и лазать! Сам давай, помнишь, как в кино? Сама, сама. Ладно, посмотрю, но ты особо не рассчитывай, разве что Ирка отпустит. А так-то я бы против недельки не возражал. Подумаю. А пока докладываю: во вверенной вам «Глории» ничего путного не происходит. Лето, «мертвый сезон», мужики бабам не изменяют – жарко, бабы мужьям – тоже, хорошие разъехались по Канарам с Бермудами и Багамами, а плохие ими в расчет не берутся. Даже убивать почему-то перестали, лень, что ли, киллеров давит? Ничего понять нельзя, видов на прибавку жалованья – никаких. Совсем поплохел народец. Даже родная милиция, извини за колкость, зевает. Нынче ехал по Садовому, гаишник, смотрю, так рот раскрыл, что за его здоровье страшно стало. Жарко, Слава.

– Ну, это временное затишье, – успокоил Грязнов, – но ты им воспользуйся. Кто там у нас на месте?

– Как обычно, Макс, Сева мается. Даже Алька слиняла, куда-то в загранку ее папашка вывез, может, в расчете выдать, наконец, замуж?

– Я понимаю, это сильный удар по твоему самолюбию.

– И не говори, ночей не сплю, все ворочаюсь, Ирке спать не даю.

– Тем более, как говорится, ехайте, граф, сюды.

– А знаешь? Наверное. Если ты возьмешь на себя смелость позвонить Ирке и сообщить ей, что у тебя форс-мажор, и без опытного Турка ты никак с собой не справишься. Может, и поверит, кто ее знает?

– Заметано! Можешь ехать домой и собирать вещи. А Севке скажи, пусть помается еще недельку, а потом мы его вместе с супругой командируем куда-нибудь, ну, скажем, в Карловы Вары. Именно командируем, чтоб на дорогу не тратились, пусть досконально выяснит, как эти канальи варят свое замечательное пиво. Нетрудное задание, правда?

– Я думаю, Севе – в самый раз. Заметано, пан директор…

Село Ивановское, которое, кажется, гордо именовало себя станицей, расположило свои три с половиной десятка добротных домов вдоль одной из проток Волги. Народ в основном жил на рыбе. Было крепкое хозяйство, потом оно развалилось, рыбаки стали единоличниками, иначе говоря, индивидуальными предпринимателями. Рыбу солили, вялили, коптили по дворам и выносили на автотрассу, выставляя на продажу большие стенды с разнообразной рыбой, прикрытой от мух марлей. И банками черной икры – это уже из-под полы. Предупреждали, что милиция в Волгограде, да и на трассе, случалось, устраивали выборочные проверки автомобилей. Редко кто из проезжих обладал сильной волей и не тормозил перед бронзовым роскошеством на стендах. Либо подобными же стендами, только уставленными банками

с медом таких сортов, что глаза разбегались при виде радуги всех мыслимых оттенков – от густо-коричневого до снежно-белого. Вот с этих летних, главным образом, доходов и жили семьи остальное время года. И в домах был заметен достаток, несмотря ни на какие ухищрения работников налоговых служб. А числились хозяева механиками, слесарями, паромщиками, сторожами на бахчах с мизерной зарплатой «кошкины слезы». Жили, детей растили, воспитывали, в школу возили в большой поселок Замотаевку, автобусом три километра – не расстояние.

В доме, где остановился Грязнов, детей не было, да и мужика – тоже. Евдокия Григорьевна Мамонтова оказалась родней главного астраханского милиционера Алексея Кирилловича Привалова, старого боевого товарища Грязнова, с которым Вячеслав Иванович нередко пересекался в бытность свою в должности замначальника Департамента по борьбе с организованной преступностью и особо опасными преступлениями. МВД России. Знал Алексей и по какой причине покинул Грязнов свой высокий пост, выйдя в отставку, а теперь узнал и о причинах, которые вернули Вячеслава из уссурийской глуши обратно в столицу, где он снова возглавил созданное им еще на заре девяностых годов охранно-розыскное агентство «Глория». Так вот он, зная об роковой страсти генерала в отставке Грязнова, зазвал его, в които веки, к себе в вотчину, пообещав истинно царскую рыбалку. Ну где ж было устоять страстному рыбаку?

А родственница, к которой Алексей привез своего приятного гостя, к удивлению Грязнова, совсем не пожилая тетка, как уверял Привалов, а вполне молодая и весьма привлекательная женщина лет так около сорока от роду. Великолепный бюст хозяйки, улыбавшейся ослепительно белыми зубами – прямо с рекламы пасты «Колгейт-тотал», – и ее смелая фигура знающей себе цену молодки как-то поначалу насторожили Вячеслава Ивановича. Знал же Лешка, что он не женат, так, может, того? Виды заимел? Но Дуся, как она сама себя представила, или Дусенька, как звал ее Привалов, ничего, кроме доброжелательного гостеприимства не выказала, провела гостя в отдельную комнату и показала свежезаправленную постель, вешалку и пустые полки в платяном шкафу, а снаружи – летнюю пристройку с душем и рядом – с туалетом. Кабы не подозрение, Грязнова такие условия устроили бы безоговорочно. Но Алексей, наблюдая некую раздвоенность чувств товарища и бывшего коллеги, подмигнул ему и негромко успокоил, что ничто его не потревожит, Дусенька – прекрасный человек и никогда ничего лишнего себе не позволит. Успокоил.

Оказалось, что сама Дуся спит в соседней, проходной, так сказать, комнате, и чтобы ночью, например, выйти по нужде, Грязнову пришлось одеваться едва ли не по всей форме. То было в первую его ночь. Но утром, когда он поднялся совсем рано и тихо вышел, чтобы не разбудить хозяйку, увидел, что та уже на кухне и приготовила ему завтрак. Жареная карто-

шечка, жареный лещ – крупными кусками, длинненькие соленые помидоры, лопающиеся во рту с одуряющим вкусом, и большой, разделанный на доли арбуз… Грязнов понял, что стойкости его если и хватит, то, очевидно, ненадолго. А Дуся так смотрела на него, пока он ел, что куски застревали в горле. Заметив это, она улыбнулась и вышла на веранду, оглянувшись в дверях и будто приглашая не стесняться и ни в чем себе не отказывать. Да как же тут не стесняться-то?

Алексей, пока ехали сюда, коротко рассказал, что Михаил, муж Евдокии, то ли утонул, то ли замерз в степи по пьяному делу несколько лет назад. Дурной он был, красивый, видный мужик, а с придурью, в здешних же местах водка – до сих пор «разменная монета». Икра, раки да водяра. И она с тех пор жила одна, сдавая иногда комнату приезжим любителям рыбной ловли, причем, как правило, пожилым людям, знавшим про Ивановское и его прекрасные места, у которых были относительно рыбалки самые серьезные намерения. А местным всем поголовно было ведомо, кто Дусин родственник, и не приставали, чаще предпочитая обходить лакомый кусок стороной – от греха. Алексей и сам не раз приезжал к ней с друзьями – места-то сказочные, и рыбалка действительно царская. Так, под шумок, случалось, и осетра брали – Волга-то, вот она, под боком. А гости начальника милиции – лица по-своему неприкосновенные, естественное дело.

Над протокой, где расположился Грязнов со своими удоч-

ками, безумно жарило солнце, а из Заволжья, прямо как из пустыни, давил горячий ветер. Скинуть бы все с себя, да нельзя. Знал Грязнов, что вмиг обгорит, и потом уже о рыбе и думать не придется. Поэтому терпел, прел, потел, раскрыв над головой большой зонт, который ему дала хозяйка, намекнув, чтоб он не очень-то форсил, раздеваясь на воде, как некоторые приезжие. День-другой походят, а потом лежат пластом и охают. Дома – другой разговор, жарко ведь, нечего стесняться, все – люди, и ничего нового не покажут. Ох, хитра девка, подумалось Вячеславу Ивановичу, видит Бог, доведет до греха. А она ослепительно улыбалась и выставляла вперед тугую грудь, словно откровенно дразнила его. Оттого и телефонный звонок Сани из Москвы оказался как нельзя кстати.

Хозяйка, когда он разговор закончил, словно встрепенулась, вошла в его комнату и игривым тоном поинтересовалась, кого это гость приглашает без всякого ее на то разрешения? Но сам вопрос прозвучал помягче: «Кто это у нас такой веселый?» Разговор был ей, оказывается, слышен. Грязнов почувствовал неловкость за собственную несдержанность относительно в первую очередь «запазухи», конечно, но подавил смущение и усмехнулся со значением:

– Это мой лучший друг, Дусенька. Всем друзьям друг! Один у него минус – женат. Но увидишь, все равно сомлеешь.

– Это с чего бы? – Она кокетливо качнула бедрами.

– А с того самого, – вздохнул Вячеслав. – Ох, чую, пропадешь ты, девка. Слушай-ка, а может, позвонить да отменить его приезд? Сказать, что, мол, хозяйка возражает, а свободную комнату в деревне не найти так сразу?

– Так он же к вам собирается, – она фыркнула. – Я-то ему – никто. Зачем же отменять-то? Пусть порыбалит, порадуется, гостями мы всегда довольны.

– Вот! – Грязнов поднял указательный палец. – В этом и есть самая опасность! Что значит, ты – никто? Это две первые минуты – никто, а после… нет, не знаю, не уверен, что ты так и останешься для него никем.

– Да ладно вам! – уже неуверенно засмеялась она. – А он кто?

– Такой же генерал, как и я, только из прокуратуры. И моложе на добрый десяток лет. Я ж говорю, сомлеешь… – Он шутливо махнул рукой, подумав при этом, что было бы, вероятно, совсем неплохо, если бы Саня отвел от него эту угрозу. Все ж таки Дуся, как ни крути, родственница Лешки, неудобно будет, если тот узнает, что Вячеслав, да на старости лет… Еще была б чужая женщина, а так вроде даже своя…

Под вечер он вернулся домой истомленный, промокший и словно задубевший на сумасшедшей жаре. Понял, что в такой одежде рыбалки не будет, надо что-то проще, совсем легкое. Наскоро принял душ и, накинув полотняный халат, прошел к себе и завалился на кровать. Даже есть не захотел, и Дуся поняла его.

Сон был коротким, но тоже жарким. А когда он открыл глаза, увидел рядом с собой обнаженное гладкое и горячее тело хозяйки и прямо перед глазами – ее оскаленные в напряженной улыбке зубы. Вот откуда она, духотища-то! Что оставалось делать? А ничего, просто подчиниться. И пала крепость его утренних сомнений, да еще как пала! Взорвалась и рассыпалась мелкими камешками. «А что, – подумал он, вспоминая еще недавнюю свою целительную уссурийскую тайгу с ее животворными рецептами вечной молодости, – мы еще, кажется, годимся!» И облегченный стон Дуси лишь подтвердил его новую уверенность. «Неужели ж, – бежала дальше мысль, – придется теперь просить Дусеньку поспособствовать другу какой-нибудь симпатичной подружкой?» О том, чтобы передать этому другу свою собственную женщину, у Грязнова теперь уже и мысли такой не возникло.

Он еще утром позвонил Ирине в Москву и попросил у нее дружеского одолжения. Она и сама прекрасно знала, что к работе он приступил всего лишь вот-вот, а до того только помогал ребятам, но и с ходу войти в нужную рабочую колею, когда никакой работы нет, тоже маловероятно. А тут выпала удача с Приваловым. Словом, очень было бы им нужно вдвоем с Саней поговорить по душам с глазу на глаз и наметить не второпях, а всерьез и надолго программу будущих своих дел. Обсудить в деталях и не торопясь, чего в Москве никогда не сделаешь, вечно отрываешься на всякие «особо важные» пустяки.

Ирина, в общем-то, поняла суть его просьбы и пообещала, что ровно на неделю отпустит Шурика, но с условием, чтобы тот обязательно привез ей обещанные Славкой волжские дары. В шутку сказала, но у женщин именно подобные шутки и несут основную идейную нагрузку, их обязательно следует принимать к исполнению. Уж в чем-нибудь другом – ладно, можно и забыть случайно, а в таких мелочах приходится быть строгим к себе и методичным.

Другими словами, это означает, что Саня уже весь день в пути, и ожидать его следует на рассвете следующего дня. Если он не станет где-то делать остановку. Значит, надо бы и о другой кровати позаботиться. С тем он и обратился к игривой, расшалившейся хозяйке. У той вспыхнули глаза.

– А он у тебя как? – Они легко перешли на «ты».

– В каком смысле?

– Ну… в прямом. – Она замялась, но тут же звонко рассмеялась: – Такой же горячий? Или как?

– Сказал бы «или как», но тогда совру. – Он обнял женщину за плечи и притянул к своей груди. Подумал про себя: «А ничего ручонки-то, ухватистые еще!» – Я так думаю, что, пожалуй, еще погорячее да покрепче меня будет.

– Ладно тебе, ты и сам, как тот дубок. А говоришь – старый! Тебе сколько?

– Да скоро на седьмой десяток перейду.

– Брось ты, не может быть! – Она уставилась недоверчиво. – Я бы, так больше пятидесяти и не дала. Руки-то –

вон, позавидуешь! И как же тебе, милый мой, удалось сохранить-то себя?

– А это все – тайга-матушка. Она – моя целительница. Да зверушки – в друзьях, их охранять от злых людней требовалось, вот и некогда было стареть. У егеря всегда забот полон рот, а у старшего – тем более. Зимой-то на лыжах верст по двадцать каждый Божий день. Да не по трассе, а по тайге.

– А что за зверушки-то?

– Да хоть те же тигры. Знаешь, сколько там браконьеров?

– Ох ты! А одному-то было не страшно? Или кто-то помогал одиночество скрасить, а? Только не ври, все равно не поверю, чтоб такой мужчина один по тайге шастал…

– Один, один, Дусенька. Причины тому были веские.

– Беды натворил, что ли?

– Это как подумать. Виноватым себя чувствовал, но от беды и сам ушел, думал одиночеством вылечиться. Ладно, это теперь уже неинтересно. Вернулся, как видишь. И снова работы много. Душу на рыбалке отведу, и – назад. Агентство у нас, сыщики, охранники. То с неверными супругами иметь дело приходится, а то и с преступниками – и бандиты, и убийцы. Тоже бегать надо…

– А я и смотрю, нет в тебе ни капельки жира, – она попробовала ухватить пальцами мышцу на его груди, но пальцы скользили – жарко. Тогда шлепнула и поцеловала место шлепка. – Нет, силен мужик, умеешь радость доставить.

– Так это, – засмеялся он, – надо понимать, у нас с тобой

только начало? Или твой каприз?

Дуся хитро уставилась на него, потом тряхнула густыми черными волосами, рассыпавшимися на ее полных плечах.

– Знаешь-ка, давай тогда койку дружку твоему не у тебя в комнатке, а в сенцах поставим? Или на веранде? Чего ж вы будете мешать-то друг другу?

– Ох, Дусенька, и до чего ж ты сообразительная…

– А то! – Она откинула голову ему на руку, потерлась шеей. – Я знаешь что подумала? Зинку, пожалуй, приглашу на ужин, не возражаешь? Медсестра наша, здорово пострадала она, бедняжка, да об этом – потом как-нибудь. А девка она хорошая, сердечная и собой, я тебе скажу… вполне симпатичная. И не упрямая.

– Видишь, какая ты умница! Так тогда и я в магазин схожу, что ли, скажешь, чего взять надо? У меня, конечно, кое-что есть с собой, да и Саня привезет, бесспорно, но, может, тебе чего-нибудь еще потребуется, к столу, я имею в виду?

– Да не надо ничего, – отмахнулась она. – Или, может, вы городского захотите?.. У нас-то все просто, с чем живем, тем и питаемся. Вы – другое дело.

Грязнов поспешил уверить ее, что о приготовленном ею сегодня завтраке можно только мечтать, он давно такой вкусноты не ел, особенно рыба да помидоры – обалдеть можно. Она снова просияла, прижалась к его плечу щекой. Потом подняла голову со спутанными волосами и в упор взглянула ему в глаза смеющимся взглядом:

– А ты что ж, хотел, значит, меня ему подсунуть?

– С чего ты взяла? – опешил он.

– А разговор ваш случайно подслушала, вы громко разговаривали, не знаю, что он говорил, но твои-то слова я слышала. Насчет «запазухи»! – И продолжала смотреть в упор смеющимся взглядом.

– Да ну что ты, Дусенька, – совсем смешался Грязнов, – ты разве не поняла, что я так пошутил? Ну, может, неловко, тогда прости меня. А «запазуха» мне твоя, кстати, очень нравится. Так что и не думай, уж если ты мне сама позволила заглянуть туда, то больше никому не достанется такая радость. Хотя бы при мне.

– А ты еще и ревнивый? – Она засияла от удовольствия.

– Жуть какой… А эта твоя… Зина, да? У нее что, беда какая была?

– Доктора нашего, любила она его, подстрелили лихие люди. Давно уже, полгода назад, а то побольше. Думали, выживет… Зинка сильно переживала, бедная, а я только недавно встретила ее, – все дома да в медпункте, а тут вижу, идет, улыбается мне, кивает, похоже, отходить стала. Дружили мы раньше. Я и подумала, что, может, хорошая компания ей станет получше иных лекарств, а? Как думаешь?

– Ты абсолютно права, приглашай. Только скажи мне, а это не отразится как-то нехорошо на тебе? Народ-то ведь, он видит…

– А я ни с кем из соседей компании не вожу. Они ж еще

Мишку помнят, и так моих нечастых постояльцев обсуждают, все равно новые сплетни пойдут, житья спокойного не будет, народу нынче делать нечего, вот языками и треплют. А Зинке я аккуратно скажу, что вот, мол, друзья мои московские, то, другое. А он не грубый, этот Саня-то твой?

– Да ты что?! Ласковый, как котенок. Это и опасно.

– А почему?

– Попадешься – не вырвешься. Сама не захочешь. Ну, это я про Зину. – Он нахмурился. – А то вдруг она чего не так подумает? А потом никто никого не принуждает, посидим, винца попьем вкусного, закусим твоими чудесами, а там что бог на душу положит… Но ты права, постель ему придется в любом случае поставить на веранде, это чтоб и ты сама не беспокоилась. Ты ж вон какая… жаркая.

– Заботливый… – хмыкнула она.

– Как ты говоришь, – а то? Ну, тогда показывай, что у тебя где.

– Отдыхай, я сама.

– Нет, Дусенька, уж позволь мужскую работу делать мужчине, не хватало, чтоб ты надрывалась.

– Ничего со мной не случится, мы – привычные. Но за заботу – спасибо…

Так хорошо сказала, что у Грязнова что-то в душе повернулось теплой стороной к сердцу. Вот как бывает…

– Это, милая, разве забота? Это – пустяки. А вот где сейчас наш Саня, давай-ка мы с тобой узнаем.

– Ну, узнавай, а я пойду, дела надо делать. – И она, ловко выскользнув из-под его руки, накинула свой халатик и скрылась в соседней комнате.

– Саня, – Грязнов услышал в трубке голос Турецкого, – где ты находишься и чем занимаешься?

– Только что миновал поворот к Иловле. Мне долго еще, не подскажешь?

– Ну, ты – метеор! Сейчас поглядим… – Грязнов взял со стола справочник «Автонавигатор», который привык возить с собой, раскрыл на трассе «М-6» и посмотрел. – Саня, тебе осталось примерно триста шестьдесят верст по прямой. Волгоград обходи со стороны канала, в Волжский не лезь, а то уедешь на другой берег, придется переправу искать. Сколько тебе надо времени, ты в каком состоянии?

– Нормально, выехал сегодня до рассвета, около трех, стараюсь держать свою сотню, да и на трассе не многолюдно. Думаю, с такой скоростью к полуночи буду. А что?

– Приезжай хоть и заполночь, но у меня тогда маленькая просьба. Я не сообразил, – Грязнов заговорил почти шепотом. – Тут две такие прекрасные женщины, старина, что грех оставлять их хотя бы без малого сувенирчика. Потом придумаем чего-нибудь получше, а пока, будь другом, не поскупись, купи парочку красивых летних зонтиков. Где-нибудь в Волгограде, все равно мимо проедешь, а? Мы не будем торопиться, подождем, посидим за столом. Ночью здесь дышать можно.

– Бу сделано, мой генерал… Погоди, только сейчас сообразил?! Ах, ты, бабий угодник! Согрешил уже? Будь честен до конца!

– Буду. Увы, да, и ни о чем не жалею. Чего и тебе всегда желал в жизни.

«Это хорошо, что Саня на машине, – подумал Вячеслав Иванович, – тут и до Астрахани рукой подать». Сам он прилетел самолетом, и его встретил в порту Алексей, он и привез в Ивановское, к Евдокии, – сдал, так сказать, с рук на руки.

Грязнов надел легкие тренировочные шаровары и вышел к Дусе. Рассказал о разговоре с Турецким. И она предложила перенести знакомство на завтра. Приедет человек, гнал фактически сутки, устал, куда ему еще и знакомиться с кем-то?

– Не знаешь ты Сани, – возразил он. – Настоящий боец. А на ночь-полночь, нам с ним всегда было наплевать. Вот насчет Зины, это ты подумай, может, неловко получиться. Встретимся, скажем, завтра. Но Саню все равно придется положить на веранде, да? Что-то у меня закралось подозрение, будто просто так у нас с тобой сегодня день не закончится?

Она уставилась, оказывается, совершенно рыжими, хитрыми глазами.

– Так ты чего, о нем или о себе беспокоишься?

– О тебе в первую очередь.

– Ишь ты какой! – Она засмеялась и порывисто прильнула к его обнаженной груди, чмокнула. – А я не беспокоюсь, лишь бы ты себя хорошо чувствовал.

Как там получится с дальнейшей рыбной ловлей, подумал Грязнов, еще неизвестно, но то, что он сам уже прочно сидел на крючке, это показалось ему бесспорным.

Зину они решили сегодня на ужин не приглашать, а перенести торжественный обед на завтра, но незадолго до полуночи Грязнов решил выйти на шоссе, чтобы встретить Турецкого у поворота и избавить того от ночного поиска дома Мамонтовой. Дуся увязалась за ним: нехорошо оставлять гостя одного на ночных улицах. Оно хоть и большой опасности нынче не представляет, но еще полгода назад здесь такое творилось! Дуся всплеснула руками и даже глаза свои рыжие, блеснувшие золотом при свете уличного фонаря, закатила. И пока они шли, удаляясь от дома по пустынной главной улице, Дуся успела поделиться с ним тем ужасом, который испытали жители маленькой, в сущности, станицы еще какие-то полгода назад. Действительно кошмар, за короткое время – пять трупов! И это – не Техас какой-нибудь, и даже не Москва…

Показала Дуся и дом, в котором жил убийца, когда проходили мимо. Дом стоял добротный, как и все остальные, окруженный садом, но темный, ибо хозяин его пребывал в тюрьме в Астрахани и ожидал приговора суда. А в соседнем доме, правда похуже и пониже ростом, окна светились. Тут проживала гражданская жена убийцы – тихая и скромная женщина. И вот же угораздило ее влюбиться в будущего преступника.

Но, к слову, и с этим вопросом полная неясность. У каждого станичника – своя версия происшедшего, и никто ничего толком так и не знает. Следствие, говорят, все еще идет, но общее мнение астраханских следователей и работников милиции склоняется к тому, что Антон Калужкин – таково имя преступника – и является тем самым кровожадным убийцей, на совести которого столько трупов, что подумать страшно.

Рассказывая, Дуся переходила на шепот, будто боялась, что ее кто-то услышит, и теснее прижималась в Грязнову. Хорошо, на улице в этот час уже никого не было, а то ведь ей же самой потом от сплетен не отмыться. Но – не боялась, вот такая она.

Вышли за околицу и остановились под последним фонарем, чтобы водитель смог их увидеть. Пролетавшие мимо машины, мазали их лучами своих фар, наверняка ведь завидовали, глядя, как немолодой, почти полысевший мужчина обнимал под самым фонарем молодую женщину – другого, знать, места не смог себе найти. А один шутник, пролетая мимо, нажал звуковой сигнал и даже немного притормозил, рассмешив Дусю. Кажется, она была искренне счастлива. «Да много ли женщине надо?» – тайком вздыхал Вячеслав Иванович и пропел: – Ничего не надо, кроме шоколада…

– Ты чего?

– Да так. – Он улыбнулся, снова заметив, как вспыхивают золотом радужки ее глаз. – Однажды оказался я на под-

московной платформе, ждал электричку на Москву. Смотрю, идет такая изящная, очень интересная женщина и ведет за собой маленькую девочку, лет, наверное, пяти, не больше. Она ее держит за ручку, а та приплясывает и поет, – и Грязнов запел фальшивым тонким голосом, копируя ребенка: – «Ай, девочка Надя, чего тебе надя, ничего не надя, кроме шакаладя!»

Дуся звонко рассмеялась.

– Ага! А мать конфузилась и упрекала девочку: «Надя, ну, как ты можешь? Это же неудобно! Это же некрасиво!» Ну да, как же, как же! А та – свое: пляшет и поет. Я рассмеялся, женщина посмотрела на меня и сделала плечами такое движение, будто извинялась, что ничего она не может поделать с упрямым ребенком. Это было так уморительно, что в Москву я приехал в совершенно восторженном настроении. И очень позавидовал тому папе, у которого были такая жена и такая дочь. Искренне позавидовал…

– А у тебя, что?.. – И замолчала. – Извини, если я чего не так.

– Нечего извиняться, никого у меня нет, ни жены, ни дочки, ни сына. Был племянник, которого держал за родного сына. Даже больше. Но случилась трагедия. Впрочем, пусть лучше тебе Саня расскажет, он и сам тогда был уже за чертой, еле вернули. А Денис погиб, и я же его похоронил. И вдруг, представляешь, звонит туда ко мне, в тайгу, Саня и говорит: «Я тут с Дениской на днях встретился, не сразу

узнал, он просил тебе привет передать». Дуся, я думал, с ума сойду… А он рассказывает… ну, это неважно. В общем, возвратился я из добровольного изгнания, выслушал детали, а поверить до конца и сейчас никак не могу. Знаешь, русский мужик пока своей рукой не пощупает, не поверит. А чем я от других отличаюсь? Ничем, девочка… – Он обнял голову Дуси и прижался губами к ее виску. Дуся замерла, будто окаменела…

– А зачем же изгнание-то? – спросила она наконец.

– Так это я ж и был во всем виноват, я их обоих фактически на смерть послал. Заставил… ну, упросил подарки отвезти в подшефный детский дом и вручить малышне. А там юная террористка решила взрыв устроить – детей-то было больше сотни. Так вот, они вдвоем ухитрились фактически обезвредить ту террористку, которая была под действием наркотиков, и выпрыгнули вместе с ней в окно. А напарник той террористки, который снаружи находился, успел-таки нажать на дистанционный взрыватель. От нее – мокрое место, Дениску наповал – на тело смотреть страшно было, а Саню – тоже живого места не было – в госпиталь. В коме. Знаешь, что это такое?

– Знаю, – прошептала она.

– Еле выходили. Он – сильный мужик, сам выкарабкался, сумасшедшая воля. Ну а я не смог пережить, уволился из министерства, с генеральской своей должности, и уехал. В тайгу. Чтоб никого не видеть. Но друзья меня не остави-

ли, стали потихоньку возвращать к жизни. И тут вдруг такое известие, представляешь? Ей-богу, чуть с ума не сошел. Живой Денис… Ну, правда, там несчетное количество операций было, и не у нас, а за границей, в том числе и на лице, его посекло осколками страшно. Словом, был он очень талантливым оперативным работником, а стал теперь строго секретным. И когда я его увижу и поверю наконец тому, что он живой, просто не знаю. Не дома он, а там, за кордоном. – Грязнов неопределенно махнул рукой. – Вот какая история приключилась. – Вздохнул наконец глубоко, будто все время сдерживал воздух в легких. – Понимаешь, Дусенька, вот я и хочу поговорить здесь с Саней поподробнее, в Москве ж это сделать просто невозможно. Обстановка не та, да и дела к особой откровенности как-то не располагают. А здесь?.. Тут свободно дышать можно.

– Особенно по ночам, – засмеялась она. – Хорошо, что ты мне это рассказал, я теперь на вас иначе смотреть стану.

– Да какая разница-то?

– Большая, Слава, – тихо сказала она. – Совсем другая… Ой, посмотри! – Она дернулась и показала рукой в сторону главной дороги. – Медленно едет! Не твой ли?..

– А кто ж еще! – обрадовался Грязнов, узнав в подъезжающем джипе серебристую Санину «тойоту». – Самый он! – И, отпустив Дусю, шагнул на дорогу, раскинув обе руки.

Джип тихо «причалил» к нему. Боковое стекло совсем съехало вниз, и из окна высунулась сияющая физиономия

Турецкого. Блеснули зубы в улыбке. Затем открылась дверь, и на асфальт спрыгнул Александр. Он застонал, заохал, наконец с трудом, кряхтя, расправил плечи, развел руки в стороны, даже присел, и только потом шагнул к Грязнову и крепко обнял его.

– Здорово, дружище! – И тут же, взглянув на женщину, спросил: – А это и есть та самая красавица, которую ты безуспешно пытался мне описать?

– Она, она, – сияя от радости, подтвердил Грязнов. – Это – Дусенька. Есть, понимаешь ли, на Руси великой такое нежное женское имя.

– Здравствуйте, Дусенька. – Турецкий взял ее руку, интеллигентно склонился к ней и запечатлел поцелуй, отчего Дуся смутилась и даже инстинктивно попыталась отдернуть пальцы. – Да, – констатировал Турецкий, – никто у вас тут, ну, кроме Славки, ни хрена не смыслит в вежливом обращении с женщиной. Ну и глухомань! Но вы не бойтесь, Дуся, я думаю, мы с ним вдвоем скоро наведем здесь соответствующий порядок… Ну что, поехали? Прошу в кузов. – Он вернулся к машине и открыл заднюю дверь. – Штурман – вперед! Ох и устал же я, ребята! Сейчас бы стакан водки и – в койку. И чтоб утром не будили. И с Иркой не соединяли. А что, нельзя, нет? – Он посмотрел безнадежным взглядом.

– Можно, – засмеялся Грязнов, – сегодня все можно. Видишь, Дусенька, какая ты молодчина, и как ты права была. Правильно, гостей – на завтра. Давай помогу подняться в ма-

шину.

– Славка, осторожно, там хрупкий хрусталь. Мне почему-то показалось, что в ваших палестинах приличного вина не достанешь, и загрузился еще вчера вечером. Всю дорогу, поверишь, звякали, душу травили. Боялся не доехать, так раздражали. Плакать хотелось от бессилия.

– Но ведь ты же превозмог?

– С большим трудом, а также исключительно из глубокого уважения к твоей Дусеньке. Нельзя же такую прекрасную женщину поить черт знает чем, пойлом каким-нибудь! Это ж себя потом не уважать! Дом покажете, или искать надо?

– Почему такой вопрос? – удивился Грязнов.

– Не знаю, может, мне просто показалось. Подбираюсь ползком к этой деревне и вижу: замерли под фонарем двое. Причем явно целуются. И откровенно это делают. Смотрю внимательнее: так это ж вы! Ну а в таком состоянии люди часто забывают, где они и что с ними происходит. Так я думаю. Но, может быть, и не прав. Если у события была уже соответствующая предыстория…

– Была, была! – Грязнов расхохотался. – Узнаю острый глаз сыщика! Смотри-ка, и выводы делаешь безошибочные, надо же?

– Поживи с мое, Славка! – Турецкий тяжко вздохнул и бодро запрыгнул за руль…

Ночной ужин был коротким и веселым. Дуся от души хохотала над перешучиванием друзей, все ей было внове. При-

чем что-то деловое и серьезное они немедленно перемешивали с анекдотами, смешными историями. Она пила восхитительное вино, которое заставляло играть совершенно уже шальным блеском ее кошачьи глаза. Подметив это, Турецкий словно бы ненароком сказал:

– Я думаю, господа мои хорошие, что мне теперь самое время отдаться в объятия Морфея, а тебе, Славка, если ты не желаешь окончательно превратиться в большого и жирного мыша, надо тоже немедленно отправляться бай-бай!

– При чем здесь мышь? – Грязнов не понял, и Дуся тоже уставилась вопросительно.

– А ты взгляни в Дусины глаза и все поймешь без посторонней подсказки. Привет, до завтра, впрочем, уже до сегодня. Будить запрещаю. На веранде – это, надеюсь, приготовлено ложе для меня? Молодцы, правильно подумали, но после такой дороги я бы все равно ничего не услышал.

– Откуда у тебя такие догадки? – Грязнов усмехнулся.

– Элементарно, Ватсон. Вы ведь заранее позаботились о том, чтобы я не слышал сегодня мышиной возни, да?

– Ну, ты – отпетый негодяй! – воскликнул Грязнов, заметив, как остро сверкнули глаза у Дуси, и ухмыльнулся. Ох, не к добру, кажется, сверкнули!..

– Что поделаешь, Славка, опыт учит нас… впрочем, ничему умному мы с тобой так за всю жизнь и не научились. Вся надежда – на них, на женщин. Спроси у Дуси, она ведь все поняла, или я уже и в женщинах ничего не смыслю.

И он гордо удалился на веранду, а вскоре оттуда донесся его богатырский храп. Дорога закончилась, и он наконец имел право расслабиться. Действительно, больше двадцати часов за рулем – это не просто. Дуся вопросительно смотрела на Вячеслава. Он усмехнулся со значением и сказал:

– Знаешь, мне как-то неловко подводить друга. И что он там говорил насчет мышиной возни? Это он меня имел в виду? Полагая, очевидно, что ты – кошечка? А ведь он не ошибся, бродяга… Пойдем, и покажи мне, что ты сделаешь с большим и жирным мышом. Наверное, он так хотел меня обидеть, да? Как ты считаешь?

– Да какой ты жирный? Иди уж, защитничек, егерь… – Женщина ласково подтолкнула его в спину. – Смешно, а ведь он прав. Так бы и съела…

Грязнов захохотал.

Глава вторая
Посиделки

Турецкий обещал спать долго, но победила привычка подниматься рано. А может, разбудило звяканье ножа и вилки в руках Вячеслава. Быстро вскочив, Саня натянул «треники», майку и вышел на кухню. Завтрак был в разгаре.

– Так, – многозначительно произнес он, – ощущаю явную дискриминацию. Кому-то – женщину и завтрак, а кому-то фигу с маслом? За что такое несправедливое наказание приезжему мальчонке?

– Так ты же весь день проспать хотел. Или мы тебя не поняли?

Грязнов вопросительно уставился на Дусю, ожидая ее реакции на «кому-то женщину». Но она всех переиграла, показав движением рук и мимикой, что от правды не уйдешь: именно так, кому-то – все, а кто-то… сам виноват, не зевай. И мужчины дружно расхохотались: уж очень все было продемонстрировано наглядно.

– Ай, молодец! – воскликнул Турецкий. – Славка, да я бы на твоем месте… А! – Он махнул рукой. – Ну вас! Одно расстройство! Морду лица где можно умыть?

– Идем, покажу, – вскинулась Дуся и повела Турецкого на двор, к умывальнику, захватив с полки шкафа свежее поло-

тенце.

Грязнов слышал, как громко фыркал Саня и хохотала, даже повизгивая, Дуся: наверное, он брызгал на нее холодной водой. Вернулись оба оживленные и смеющиеся. Вячеслав невольно ощутил легкий укол ревности. Но женщина ушла в комнату, к буфету, за чистой тарелкой, очевидно, из сервиза, предназначенного для гостей, на котором подавала и ему, а Турецкий, усевшись верхом на табуретке, качнул головой назад и показал Грязнову большой палец. Негромко произнес:

– По-моему, ты будешь большой дурак, если упустишь такой шанс, мой генерал.

Серьезно сказал, без подначки.

– Так считаешь?

Турецкий кивнул.

– Ты как, со мной или будешь отдыхать еще? – Грязнов подмигнул Дусе, и та отчего-то смутилась.

– Конечно, с тобой. Стоило гнать издалека, чтобы упустить шанс натянуть тебе нос, изловив самую большую рыбу. Как полагаете, Дуся, удастся мне такая авантюра? Только учтите, он – великий мастер, а я так, подмастерье.

– Сможете, но – вряд ли!

– Вот это, я понимаю, ответ! – восхитился Турецкий. – Да, но нет! Здорово! Дуся, вы что, со Славки пример берете? Он ведь тоже всю жизнь такой – уклончивый.

– Зачем же, Вячеслав Иванович – искренний человек, го-

ворит что думает.

– Ого! – посерьезнел Турецкий. – Да у вас тут, я слышу, открыли дипломатический корпус?

– А как же? – рассмеялся Грязнов. – С одной только поправкой: все в этом корпусе уже давно на «ты», чего мы вам желаем.

– Пусть дама – первая. – Турецкий поднял руки.

– Дусенька, скажи-ка ему: «Не валяй дурака, Саня, а лопай, если еще желаешь успеть посостязаться со Славой. Времени-то – вон сколько уже! Добрые люди с рыбалки домой спешат!»

– Саня, лопай на здоровье! – весело сказала Дуся.

– Спасибо, Дусенька, ты – золото, – рассмеялся Турецкий. – Ну так что, Славка, принимаешь вызов?

– А ты хоть удочку-то захватил?

– А ты зачем? Сам отвалишь, от своих щедрот. Ты ж у нас – признанный, а я – так себе, примус починяю.

– Ладно, налажу я тебе хороший спиннинг. Посмотрю, на что ты способен, а потом решу: готов ли я принять твой вызов.

– Саня, одевайся легко, но плотно, иначе сопреешь или обгоришь, будет мне потом беда с вами, – подсказала Дуся.

– Нет, ты понял? – Грязнов весело уставился на женщину. – Только приехал, а уже сплошная забота! Мне она такого нет говорила.

– Как тебе не стыдно, – укорила Дуся. – Я ж тебе и вчера

говорила, и сейчас – только что. Но ты ж дельного совета не слушаешь. Вон, надели бы майки, взяли ветровки, шляпы – на головы, чего еще надо?

– Ой! – Турецкий вскочил и ринулся к двери. – Совсем забыл, а ты вчера не напомнил! Стыдно, мой генерал! – Он убежал и быстро вернулся, забрав в машине пару цветастых зонтов с автоматикой. – Славка, самые красивые выбрал, лучше просто не было. На, вручай!

Грязнов раскрыл оба зонта, полюбовался причудливыми узорами – действительно красиво, и показал Дусе:

– Выбирай, какой больше нравится?

– Это вы что? – растерялась она. – С какой стати?

– А чтоб ты по улице ходила и не боялась солнца.

Он смотрел на нее и видел только красноватый круг загара на открытых плечах и груди, но мгновенная вспышка памяти высветила ее широкую, ослепительно белую спину, блестевшую россыпью жемчужинок пота, по которой медленно скользила его широкая ладонь с расставленными пальцами. Видение было настолько предметным, что он даже помотал головой, будто отгоняя его. А Дуся восхищенно крутила зонт перед глазами, но смотрела только на Грязнова странным, пронизывающим его насквозь взглядом – все-то она чувствовала.

– Ну, спасибо, Слава, окончательно покорил ты мое сердце. А второй, надо понимать?..

– Правильно мыслишь, Зине подарим. Будете тут красо-

ваться. Но это – так, мелочи. А то я вчера посмотрел, у вас тут на всю станицу – один зонт, и тот – черный, у сторожа на пристани.

– Так и не ходят у нас с ними, руки другим заняты. Прямо и не знаю, выйдешь – засмеют, скажут: во, бездельница топает! С зонтиком прогуливается, делать ей нечего! С ним только в город ездить… – Она печально вздохнула и закрыла зонт.

– Значит, зря мы? – огорчился Грязнов.

– Да что ты, Слава, не зря, очень красивые, и Зинка наверняка обрадуется. Я про другое…

– Я, кажется, понимаю тебя… Несмотря ни на что, мы здесь – приезжие, стало быть, чужие. А с этими своими заморочками – и подавно… Так ведь и мы не жить приехали, а в отпуск, отдохнуть для трудов последующих.

– Да не переживай ты, я не хотела тебя огорчать, прости, если так получилось. А зонтики замечательные. Только в огороде с ним делать нечего. – Она рассмеялась, чем и сняла возникшее напряжение. – Я вам чего посоветую? Если у вас нету подходящей одежки, я вам выдам – и солнце не зажарит, и ветер не продует. От мужа осталось, если не побрезгаете.

– Только спасибо скажем, – вмешался в минорную тему Турецкий. – Ну, пойдем, Славка, нам о многом поговорить, я думаю, надо. Дусенька, – он прижал ладонь к груди, – огромная тебе благодарность, очень вкусно было.

И они ушли, накинув легкие и непромокаемые суконные ветровки, принесенные Дусей, и прихватив с собой грязновские снасти. А она вышла на крыльцо и долго смотрела им вслед. Они неспешно шли по улице, к спуску у протоки, переговаривались. А потом Слава вдруг обернулся, увидел ее на крыльце и помахал рукой – так машут любимой женщине, уходя в дальнюю дорогу.

Странные и неожиданные для себя чувства испытывала сейчас женщина. Она до сих пор ощущала на себе жесткие руки Вячеслава, с такой безудержной требовательностью ласкавшие ее, будто она была его первой женщиной, а сам он – совсем молодым человеком, переполненным сумасшедшим желанием. Даже показалось в какой-то момент, что это у нее теперь навсегда – и жаркая сила его объятий, и покоряющая нежность поцелуев, и какое-то особенно трогательное внимание к ее собственным ощущениям. «Шесть десятков, – думала она, – ну и что, сама – не девочка, к сорока уже». И чувствовала, что все происходившее с ней этой ночью в самом деле было как в первый раз, настолько молодо и жадно откликалось ее тело на ласки. И до того стало сладко, что всплакнуть захотелось. А еще подумала: вот бы и жизнь наконец устроилась, да только куда ей до него, до генерала… И было очень жалко себя…

Всплакнула, конечно, по мгновенному бабьему своему счастью, которое словно порывом ветра – горячего и быстрого – взвихрилось и унесло все желания и мечты. А ведь

было дело, мечтала стать учительницей. Потом врачом. Артисткой быть еще хотела, но дальше кружка художественной самодеятельности в замотаевской школе так и не двинулась. Учетчицей работала в артели, потом быстрое замужество и бесконечные пьянки мужа, подозревавшего жену во всех смертных грехах и даже пару раз поднявшего на нее руку. Но Алексей Кириллович, которому пожаловалась Дуся, быстро научил Мишку уму-разуму, и тот запил окончательно, пока не утонул на тоне, запутавшись в сетях. Вот и осталась ни с чем и не у дел. Огород, денежки за летнее гостеприимство, да помощь Алексея – вот и все, чем была богата. И только после вчерашней первой ласки, а потом уже и после бурной ночи вдруг подумала, что, может, повезет еще, может, добрым человеком окажется этот сильный не по возрасту мужик, который – она чувствовала это всем сердцем – способен был понять ее. Ах, если б он мог откликнуться на ее одинокую тоску, на душевную боль, если б захотел поверить, что ради него она готова да хоть душу дьяволу заложить. Она ж ведь чувствовала, что понравилась ему, не может мужчина так ласкать женщину, не разделяя ее душевного состояния. Не может… Молиться готова была, чтоб повезло ей, и знала, что никогда не сможет дотянуться до него со своей давно позабытой десятилеткой. Не такая женщина ему нужна. Вот в той тайге она обязательно стала бы для него и незаменимым другом, и самой отчаянной любовницей… Там, а не здесь и, тем более, не в далекой Москве, где она ни-

когда не была и наверняка теперь уже не побывает… Горько это осознавать…

А вот друг Славы вызвал у нее неясные опасения. Вероятно, был он хорошим человеком, но что-то явное просвечивало у него от артиста. Слава – основательный, а этот – будто легкий, хотя и талантливый, по словам того же Славы. Но от него исходила непонятная опасность. Не злого обмана, нет, но чего-то очень близкого к тому. Вроде шутливого, но и жестокого в основе своей розыгрыша. Казалось, если Слава полюбит кого, то обязательно всерьез, а Саня – до следующего удовольствия. Ну, может, так оно у мужчин и нужно? Не связывать себя ничем: ты довольна, вот и молодец, а я пошел, уж не обижайся…

Дуся погоревала немножко, посмотрелась в зеркало, припудрила из старой деревянной баночки красноту под глазами, но и полюбовалась-таки собой. Прошедшая ночь конечно же отложила на ней свой отпечаток. Глаза задорно блестели, как у совсем молодой, а губы беспричинно улыбались – тоже понятно почему. И она решила, пока рыбаки – на воде, сбегать к подружке, к Зине, и поговорить, если та свободна. В конце концов, не замуж ведь приглашают, двух и мнений нет, а там уж как получится, хоть ночка, а моя. И не надо строить несбыточных планов, никому от этого пользы нет, одни расстройства и разочарования…

– Малькова! – позвала Дуся, приоткрыв дверь в кабинет. –

К тебе можно?

– А, Евдокия, заходи, пока никого нет!..

Зина, разумеется, и думать не мыслила о приглашении в гости, так, поболтать, о чем народ треплется…

– У меня сейчас поселились двое славных москвичей, – объяснила свой приход Евдокия. – Ну, и хотят провести добрый вечерок в компании. Они – хорошие люди, оба с законом связаны и оба – генералы, старые друзья. Я смеялась без передышки, слушая, как они разговаривают. Ну, прямо артисты. Я, между прочим, ты уж прости, рассказала им про Егора Петровича, ну и про тебя, конечно. Посочувствовали искренно. Я и подумала, что компания – компанией, но, может, они и совет какой полезный дадут? Люди-то грамотные по этой части, не то что мы с тобой – две наседки станичные. Приходи вечерком в гости, рады будем.

Зина подумала и согласилась. Действительно, чего теперь вспоминать и ворошить прошлое, если его не вернуть? Может, и в самом деле стоит хоть душу отвести с хорошими людьми. Дуся-то вряд ли станет обманывать, за ней такое никогда не водилось. А тут хвалит, расхваливает. Но осторожность все-таки притормозила ее окончательное согласие.

– Я уже слышала, рассказывали бабы в приемной, что твой братец важного какого-то к тебе на постой определил. А второй откуда взялся?

– Ну, бабы! – рассмеялась Дуся. – Все-то они знают! Тот, кого Леша привез, его Вячеславом зовут, Славой. А второй –

друг его, он вчера ночью из Москвы прикатил. Поговорить им надо, о жизни посоветоваться, в городе-то, говорил, не удается, все дела да заботы, так хоть на рыбалке. Забавный он, этот Саня. Веселый, остроумный, знаешь, так анекдотами и сыплет, да и Слава от него не отстает.

– А ты уж больно их расхваливаешь! Ну-ка, признайся, подруга, сердчишко-то екнуло поди?

– Ох, Зинка, – призналась вдруг Дуся, – честно тебе скажу: екнуло, да еще как! А нынче был момент, так прямо хоть голову – в петлю, вон как себя пожалела…

– Ну, это ты брось! – забеспокоилась Зина. – Не стоят они все…

– Так это я только тебе, ты уж забудь сказанное, с подружкой поделилась.

– А думаешь, я что, по станице понесу? Плохо ты меня знаешь!

– Да ну, что ты! Я потому и пришла, что хорошо тебя знаю. И сама им предложила тебя пригласить, чтоб ты немного развеялась, ну и… что живем еще, почувствовала. Рано себя хоронить-то, подруга.

– Ты-то, я вижу, уже свое почувствовала, – засмеялась Зина. – Эва, как щечки-то раскраснелись! И глазки, и глазки! Ох, Дуська, доведешь ты своих гостей до греха! – И, отсмеявшись, сказала: – Ладно, спасибо за приглашение, зайду вечерком, с удовольствием новых людей послушаю, а то как в погребе живешь – одни соленья да вяленья, других и разго-

воров нет. Прихватить с собой чего-нибудь?

– Не надо! – Дуся замахала руками. – Полно всего, да и они постарались… Будем ждать.

А тут в дверь заглянула соседка Дусина – Катя Нефедова – и спросила, можно ли войти? Зина кивнула, а Дуся спросила у Кати, как там дела-то с ее дружком, а по правде – с гражданским мужем, с Антоном Сергеевичем Калужкиным? И маленькая Катя, сморщившись, отвернулась было, но пересилила себя и ответила:

– Никто не верит, что Тоша не виноват, что на него какие-то мерзавцы свои грехи повесили. И суда нет, и следствие тянется, и никто ничего толком не говорит. Видно, нет уже совсем справедливости никакой. – Катя пригорюнилась окончательно.

А между прочим, в убийстве доктора Усатова, как тут, в станице, многие считают, совершенно зря обвинили Калужкина, говорят, милиция просто на него хочет повесить все свои нераскрытые преступления, чтоб осудить одним махом, все равно, мол, нет других доказательств. Слышали об этом женщины, но не верилось как-то, хотя никакой уверенности и в обратном тоже не было. Вот и думай себе что хочешь. А которые не верят в то, что Антон Калужкин «навалял» столько трупов, так с ними никто из следственных работников даже и разговаривать не стал. Треп, мол, это все, ничего серьезного, ни одного стоящего факта для опровержения выдвинутой уже версии они не находили. Нету, говорят, веских

доказательств невиновности Калужкина, вот и сидит человек в тюрьме. Народ уже и забывать стал, что здесь происходило, другие заботы людей одолевают. Рыбнадзор, вон, свирепствует, так и они же придираются не к тем, кто тоннами гребет, а к простым рыбакам, которые для себя и берут. Ну, может, немного и на продажу. Зимой ведь тоже надо жить на что-то, а где иначе денег заработать? Да и как же быть, на воде – и без рыбы? Вон соседям-то, калмыкам, ничего не делается, никаких, говорят, у них браконьеров нет и быть не может! У них же – своя власть, свое правительство…

Дуся уже наслушалась подобных разговоров и не стала задерживаться в медпункте, только кивнула медсестре и, дождавшись ответного кивка, подтвердившего ее согласие, отправилась домой.

К вечеру надо было подготовиться. Чего там, у гостей, было, она не знала, в чужие сумки не заглядывала, но в свой погреб залезла и долго выбирала среди банок с соленьями такие, чтоб и огурчики, и помидорчики выглядели попривлекательней. Понравились эти «пальчики» Славе, вот и угостить. Рыбки прошлогодней вяленой достала, чтоб порезать, арбузов парочку выкатила с холодка, прочей снеди с собственного огорода – зелени всякой питательной, которую многие мужчины любят пучками в соль макать, ну и так далее. Чтоб стол показался побогаче, пол-литровую банку черной икры с ледника принесла, проверила, не испортилась ли – это еще с ранней весны, когда мужики осетров потро-

шили, чтоб рыбнадзор не успел, а потом бабам соседским по дешевке продавали. Словом, было чем угостить. Да они и сами обещали и на добрую ушицу наловить, и на жаренье. Дуся говорила уже Славе, у кого можно лодку за денежки взять да на быстрину выйти, там и большая рыба попадалась. Наверное, так и сделали… Времени уже четвертый час, а рыбаков не видно, возможно, далеко забрались либо с уловом не торопятся. Вчера-то Слава с хорошей рыбой вернулся – тут тебе и лещи, и судачки, и парочка чебаков – совсем уже больших лещей. А сегодня вроде собирались и стерлядочкой заняться – вот тебе и уха царская. Если повезет, конечно, местные-то знают заветные места, да только вряд ли с приезжими поделятся. Хотя, кто их знает, там видно будет…

Они появились, наконец, после четырех, нагруженные разнообразной рыбой по самые плечи: все больше судаки и лещи, ну и с десяток «сопливых ершей» – в основу будущей ухи. Еще взяли пару неплохих стерлядей – это уж точно большая уха. Но о том, кто кого победил, речь не заходила. А Дуся все смотрела на них, улыбалась и ждала, чем спор наконец разрешится. Заметив ее заинтересованные взгляды, Турецкий ухмыльнулся и доложил, что конечно же проиграл вчистую.

– А чего ты хочешь, Дусенька? Я ж говорил, что дуриком против великого мастера попер, а когда это кончалось победой? Да я через десять минут уже понял, что не догоню, даже и пытаться не стоит. Зато удовольствия, скажу тебе, – он

хитро зажмурился, – получил по самую макушку. Все-таки вода – великая вещь, счастливые вы тут, в таком раю живете! А курточка твоя – просто спасенье. Не знаю как и благодарить.

Хотела ему ответить Дуся, но промолчала, лишь покачала головой, заметив Славин совсем невеселый взгляд. Уж он-то, видно, понимал ее, и про рай тоже знал хорошо.

Пообедали они разогретой вчерашней ухой и жареной рыбой. Ушица за сутки настоялась, а под рюмочку – так и вовсе сплошное объедение. А потом отправились по своим койкам. Турецкий быстро захрапел – он обветрился, надышался, похоже, перебрал кислорода. А вот Грязнов пошел к себе и растянулся, поманив рукой Дусю.

– Сядь рядышком, посиди со мной, а?.. Ну, расскажи, чего делала, где была?

И Дуся стала рассказывать о посещении Зины, о твердом обещании той заглянуть вечерком, часам к восьми, когда жара спадет. А потом как-то само собой коснулась и разговора с Катей Нефедовой, соседкой через один дом. Дусю мучил один вопрос: почему следствию было наплевать на то, что думают местные жители? Уж кому, как не местным, и знать-то своего соседа, которого обвиняют нынче во всех смертных грехах. А вот Катя плачет и твердит, что ни в чем Антон ее не виноват. Прямо беспредел какой-то творится! И ведь не день, не месяц, а целый год тянется следствие, а человек – в тюрьме. И никому до него нет дела…

Грязнов внимательно выслушал, пообещал позвонить в Астрахань генералу Привалову и попросить того взять дело под личный контроль, мол, этого вполне будет достаточно, потом покивал как-то странно и обнял рукой Дусину талию. Притянул ее к себе и начал целовать склонившееся к нему раскрасневшееся лицо – губы, щеки, глаза, лоб, а когда его губы переместились к ней на шею, она не выдержала и со сдавленным всхлипом рухнула на него, уже ничего не слыша. Теперь она и сама старалась изо всех сил, боясь в миг просветления только одного: чтоб дружок Славин не проснулся нечаянно и не застал ее в таком положении. Отчего-то ей было стыдно, если он увидит. А вот Славы она совершенно не стеснялась, и, кабы не гость, храпевший на веранде, не удержалась бы и поскидала бы с себя всю одежду, как вчера днем. Ох, какое ж то было наслаждение! И Слава такой нежный, проснулся и так взглянул, так обнял, что сердце у нее зашлось…

Он и сейчас был нежным, но и осторожным – целовал, гладил, будто молча призывал ее потерпеть еще немного, дождаться ночи, и уж тогда ничем себя не сдерживать и ни в чем не отказывать. Голова кружилась, каждое движение Славиной ладони по ее телу томительно отдавалось у нее в животе, и грядущая ночь казалась ей отдаленной и недостижимой…

Последнее, о чем подумала: надо бы ключ от двери в эту комнату поискать, был ведь где-то. Это чтоб ночью закрыть

дверь и никому не отворять до самого рассвета, до подъема на очередную рыбалку, если у них к утру сил достанет. Почему-то ей казалось, что и Зине после долгих душевных ее страданий должен обязательно понравиться веселый Саня – даже просто как сердечная отдушина. Ну а понравится, так и ждать нечего и нечего стесняться – все в доме свои, никто не осудит. Сама Дуся даже и не собиралась стесняться – на то она и ночь…

Вечерок, как заметил повеселевший, и не без причины, Саня, у них удался. Смех катался по дому безостановочно. Чего только не рассказывали мужчины, какие случаи из недавней своей жизни не вспоминали. Может, тогда это было и не смешно, а, скорее, горько, но теперь, по прошествии времени, любая мелочь веселила, особенно еще и потому, что рассказчики – что один, что другой – умели подать так, что у женщин животы разболелись от беспрерывного смеха.

После долгого воздержания Зина как-то довольно быстро захмелела. Не пьяная, нет, но ее смешно покачивало из стороны в сторону, и кончилось тем, что она чуть не свалилась со стула, хорошо, что в последний момент Саня успел подхватить ее, а она хохотала.

Дуся с удовольствием замечала, что Славин дружок полностью переключил свое внимание на подругу и усиленно ухаживал за ней, а Зина просто сверкала от удовольствия и не расставалась с подаренным ей зонтиком, и лицо ее было

очень красивым, поневоле залюбуешься. Саня и любовался откровенно, подмигивая то Славе, а то Дусе. И это было тоже смешно. Конечно, ни о каком уходе Зины домой уже и речи не могло идти. Она парочку раз просто повисла у Сани на груди, обхватив его шею руками. Пробовала целоваться, но губы только чмокали, и она без удержу хохотала. Знать, отпустила ее боль окончательно, и чего теперь страдать по утерянному навсегда? Да пошло оно все!.. Жить уж мало остается, бабий век-то короток, полсотни стукнет – и, считай, старость на дворе, где ж там новую радость-то искать?

Попытались еще чего-то вкусного поесть, но уже в горло не лезло, и Дуся решила кое-что скоропортящееся убрать в холодильник и на ледник, в погреб, жалко же. Она принялась было уносить, но Слава поднялся и стал ей помогать, а Турецкий, у которого на руках и на коленях вальяжно развалилась счастливая и улыбающаяся Зинка, пытавшаяся полностью открыть глаза, посмотрел-посмотрел да и поднялся вместе с женщиной, держа ее на руках.

– Ну, что? – торжественно вопросил он. – По-моему, мадам полностью готова к совершению дальнейших великих подвигов! При моем активном, разумеется, участии. Что скажете, друзья мои?

– А ты спроси у нее самой, – посоветовал Грязнов, ухмыляясь.

– Не могу, я в полном замешательстве, что делать с этим бренным телом? Нет, вообще-то, оно еще живое, дышит и

даже, кажется, осторожно хихикает… – Он сделал вид, что прислушался и потом кивнул: – Точно, слышу тихий такой, русалочий смех. Ах, проказница!

– Да унеси ты ее к себе, и… отдыхайте. Поздно уже. Вы ж и поспать не успеете. – Дуся весело махнула рукой.

– И то верно, Саня, – подтвердил Слава. – Нельзя допускать, чтобы женщина так долго страдала от одиночества. Ты просто обязан хорошо утешить ее. Я прав, Дусенька? – Он проникновенно посмотрел ей в глаза. – А что поговорить по поводу ее… ну, трудностей мы не успели, так время ж у нас еще есть. Можно и завтра с утра либо вечерком, никто нас не торопит, не гонит, верно? Ты ж не прогоняешь?

– Какой разговор? По мне, Славушка, так живи, сколько душе угодно, я только рада буду. – Помолчала и тихо добавила: – И счастлива.

– Э-э, ребятки, – Турецкий покачал головой, – да у вас тут, гляжу, серьезно. Так мы пошли? Пошли, Зин? – обратился он к своей якобы безвольной ноше, но та ответила почти трезвым голосом:

– А чего еще нам надо? Разве танцевать больше не будем?

Все расхохотались, а она сделала вид, что захотела обидеться, но быстро передумала и заговорила чуть заплетающимся языком, из чего напрашивался вывод, что она на самом деле не так уж и пьяна, как представляется:

– И ничего смешного не вижу. Не будем, значит, и не будем, тогда сменим пластинку на… – Она повернула голову

к Турецкому и спросила: – Слушай, кавалер шикарный, ты о чем думаешь, когда у тебя молодая и красивая девушка на руках… валяется?

Турецкий едва не уронил ее на пол, так стал смеяться.

– Я, Зинка, как тот несчастный солдатик, который при виде кучи битого кирпича все равно думает только о бабе!

– Ну, так и не тяни, – рассудительно заявила она, вызвав новый приступ хохота.

Ну, парочка! Грязнов кулаком вытирал слезы на глазах, а Турецкий продолжал стоять, держа Зину на руках, словно не зная, что с ней делать.

– Растерялся, Саня? – поддразнил Грязнов. – Так тебе и надо, не все коту масленица. Тебе ж сказано: не тяни кота за хвост. У тебя что, на веранде больше места своего нет?

– Место есть, – задумчиво ответил он. – Но я еще не решил…

– Чего ты не решил?

– Каким способом…

Грязнов икнул и подавился, повиснув на Дусе, а та, изнемогая от хохота, колотила его по спине кулачками и не давала рухнуть на пол, как Слава ни пытался.

Наконец, Турецкий унес Зину на веранду, они там о чем-то весело побубнили, пощебетали совсем не пьяными голосами и погасили свет. А Дуся, помогла Славе дойти до тазика на кухне и слила ему на руки. Он умылся, пофыркал, вытерся поданным полотенцем и обнял женщину.

– А пойдем-ка и мы? Знаешь, чего я больше всего ожидал весь вечер?

– Скажи, – тихо произнесла она.

– Вот этой минуты, – шепотом произнес он из губ в губы…

Конечно же, утро наступило очень скоро, и – никакого похмелья. Даже удивительно. Грязнов удивленно посмотрел на сиявшую от счастья Дусю, а она, поняв смысл незаданного вопроса, ответила:

– Пища здоровая, милый мой генерал. Никаких канцерогенов. Да и выпили-то – так, для удовольствия. И Зинка, я тебе скажу, не была пьяной, я думаю, она просто чувствовала себя не очень ловко с новым человеком, который ей, несомненно, понравился, я видела, ну, и просто немного притворилась. Мол, ты сам решай, а я ничего не вижу и не слышу. А потом: «Ах! Что это со мной?» Но, как говорится, поезд уже пошел, и остается ей теперь только одно – ехать и качаться, качаться и ехать.

– А ты – психолог, – с удовольствием констатировал Грязнов. – Смотри-ка, не ожидал такой твоей реакции.

– Да чего уж тут тайного? Все мы, бабы, одинаковые, все о счастье мечтаем – не навсегда, так хоть на время… которого у нас все меньше и меньше.

– Ну, ты еще очень молодо выглядишь, молодчина, крепкая, сильная… А волосы – просто чудо, ни единой сединки. Подкрашиваешь, поди? – он подмигнул ей.

– Да ни в жизнь! Я – натуральная.

– Это я уже успел заметить, – хмыкнул Грязнов и вздохнул. – Эх, Дусенька, тебе бы… да-а…

– Чего? – спросила осторожно она, не дождавшись окончания фразы.

– У-у-ух! – с удовольствием протянул Грязнов и покачал головой.

Так и не дождалась.

А другая пара все не появлялась. Грязнов забеспокоился, попросил Дусю осторожно заглянуть на веранду. Она пошла, попыталась слегка приоткрыть дверь, но та скрипнула, и Дуся увидела сидящих за столом на веранде друг напротив друга Турецкого и Зинку. И они были одеты и мирно беседовали. Но так тихо, словно боялись разбудить спящих в доме.

– Вы это чего? – удивилась Дуся. – Сидят, как мышки… Слав, да они давно не спят, иди сюда, посмотри! Вы чем занимались-то, друзья мои?

Вышел и Грязнов, руками развел: всего мог ожидать, но только не такой идиллической картинки.

– А вы за нас не беспокойтесь, – мягко объяснился Турецкий. – Мы ведь почти все успели, да, Зин?

– Конечно, – подтвердила она, улыбаясь, и многозначительно добавила: – но только далеко не все, Саня. Лично у меня в запасе еще много осталось. На будущее… Ладно, шутки в сторону. А я, Дусь, рассказываю вот Сане про наши беды… Ну, про Катюху там, про доктора моего… Вообще, про весь наш беспредел. Он попросил, я и рассказываю. Ах,

если бы помог кто, – вздохнула она. – Только никому, я чувствую, это не нужно. На краю пропасти живем, и никто руку протянуть не желает.

– Ну, насчет пропасти это ты, Зинуля, зря. – Турецкий нахмурился. – А вообще, скажу тебе, Славка, ты бы напряг немножко своего дружка Привалова. А то ведь люди уже уверены, что никакой правды не существует.

– Напрячь – это можно, – озабоченно ответил Грязнов, – знать бы куда… Ладно, девочки, поговорим попозже. Мы ж никуда не бежим. Давайте сядем нынче да всерьез обсудим, что тут у вас было и куда кривая вывозит ваших правоохранителей. А пока пойдем и чего-нибудь перекусим. Не знаю, как вы, а мы с Дусенькой хотим жрать, как из пушки.

– Это, примерно, как же? – Турецкий наклонился в Зине и подмигнул. – Не знаешь? – Та, улыбнувшись, отрицательно покачала головой. – Вот и я мучаюсь в догадках, – заключил он. – Но прислушаться к Славкиному совету, думаю, стоит, ты что думаешь по этому поводу?

– Да уж пора на работу бы…

– Успеешь, – решительно заявила Дуся. – Никто к тебе в такую рань не заявится. Прошу всех к столу!..

А за столом все будто забыли о вчерашнем веселье, и разговор теперь шел только о событиях прошлого года. Женщины тараторили, торопясь и перебивая друг дружку, а Грязнов с Турецким, который сидел с насупленным видом, только слушали. И Дуся видела, что слушают они оба внимать-

но, не формально, лишь бы отделаться. Иногда переглядывались и покачивали головами, так, будто многое им было давно уже известно. Но откуда?

Ей бы и в голову не пришла мысль о том, что все беды и мытарства, которые разворачивались в этой забытой Богом станице, были типичными для огромной и безалаберной в отношении законности страны. И похожие ситуации складывались настолько часто, что их можно было назвать типичными. Но в каждом доме – свое горе, и сколько бы жильцам этих домов ни повторяли, что так везде, кому от этого легче? Да никому, только привыкают люди к горю и перестают верить в справедливость, либо, как в этом конкретном случае, начинают мстить нерадивым законникам. И как их после этого осуждать? Вон ведь фильм «Ворошиловский стрелок» вызвал у зрителей весьма определенного рода чувства. А по сути, вот тебе и главный тезис: правды ждать не от кого, поэтому сам берись за оружие. И ведь все, до последнего зрителя, сочувствовали именно старику, отомстившему за внучку, а не представителям закона. Все наоборот у нас получается… Устанавливай справедливость путем прямого нарушения закона. Так какая же она после этого справедливость? А конкретный вопрос прост: кто-то ж однажды должен сделать свой решительный шаг? Или уже перевелись на Руси честные мужики?..

Почти, можно сказать, пламенная речь Турецкого на эту тему вызвала понимание и сочувствие у женщин. Мрачный

Грязнов только кивал, он тоже разделял Санину точку зрения. Ну и что толку? Похоже, такие вопросы теперь решаются не путем давления снизу, а лишь по получении строгого указания сверху. Если среднее звено все это не угробит на корню. Да к тому же известно, что проклятия и радостные гимны, как написал еще девять веков назад великий Омар Хайям, не долетают к синей вышине…

Ну и какая теперь рыбалка в таком настроении? Грязнов решил пропустить один день, чем несказанно обрадовал Дусю, а Турецкий, охотно согласившись с другом, отправился провожать Зину, чтобы поговорить еще и по дороге. Он, как быстро сообразила Дуся, имел желание встретиться с Зиной снова. И когда они вышли, Дуся пошепталась со Славушкой, и они решили всячески способствовать их следующей встрече. Зина после проведенной ночи, похоже, чувствовала себя прекрасно, явно была в приподнятом настроении, в отличной форме и плевать хотела на то, что станут обсуждать соседки. Вообще, она повела себя решительно и даже чуть вызывающе. Вот уж действительно: пусть хоть и час, да мой! Да что и говорить-то по поводу того, как заметно расцветала женщина, чуть было не забывшая о том, что она еще молода и красива? И ведь случилось так, что именно Саня Турецкий довольно решительно ей об этом напомнил, иначе, в самом деле, с чего бы это она вдруг так похорошела? И за одну только ночь, надо же! Короче, пускай думает тот, кому это непонятно.

А уж о Дусе, немедленно упавшей в объятья Грязнова, и рассуждать было нечего: у нее и у самой наблюдалась та же картина и с тем же душевным состоянием, правда, перемежаемым минутными вспышками непонятного смятения. А сильная страсть, безудержное желание любви и полнейшее смятение чувств – явления, в сущности, одного порядка…

Глава третья
Отъезд

Чтоб хорошо погулять да не подраться – такого на Руси великой еще не видывали. Это – как обязательный ритуал. Забыл о нем в своих московских заботах известный сыщик Турецкий. И шел спокойно по длинной улице, вдоль порядка домов, фасады которых закрывали буйные заросли кустарников и фруктовых деревьев. Слушал Зину и смотрел по сторонам, отмечая все новые и новые детали сельского бытия. Давно не был он в селах – в основном посещал по служебной надобности города, пусть и сельского, как говорится, типа, а там совсем другая обстановка.

Редкие прохожие, которые встречались им, кланялись женщине, та отвечала тем же, кивал вежливо и Турецкий – словом, было так, как повсюду, где люди давно знают друг друга и каждый новый человек им в диковинку. Некоторые останавливались и глядели новоявленной парочке вслед. Турецкий улыбался, замечая, что Зина вела себя независимо, так, будто ее никакое чужое внимание не касалось. И это забавляло.

Уже на крыльце медпункта, когда она поднялась и открыла своим ключом дверь, а он остался внизу, они наконец простились. Она кивнула и подмигнула, словно смахнув с лица

улыбку, а он с серьезным видом протянул и пожал ей руку, тоже не забыв подмигнуть в ответ. Как заговорщики, у которых каждый следующий шаг и действия были четко расписаны.

– До вечера? – негромко спросил он, и она, спрятав улыбку и едва заметно кивнув, исчезла за дверью.

Он обернулся, постоял немного, покачиваясь с носков на пятки и разглядывая неширокую станичную площадь – с магазинами, парикмахерской и автобусной остановкой, и отправился в обратный путь. Но когда проходил мимо почти безлюдного навеса остановки со столбом и желтым трафаретом расписания движения автобусов, ему навстречу, словно черт из-под пенька, явился определенно пьяный молодой парень. С утра – и уже? Это было серьезно, подумал Александр Борисович и хотел обойти его стороной. Но парень упорно мешал ему. Тогда Турецкий остановился и вынул руки из карманов брюк, неизвестно ведь, к чему над быть готовым.

– Ты чо? – выдавил парень, выпятив нижнюю губу, что, вероятно, должно было изображать его откровенно агрессивные намерения.

– А ничо, а ты сам – чо? – в тон ему, с вызовом спросил Турецкий, с трудом сдерживая желание расхохотаться. И подумал: «Вот бы Зинка увидела, посмеялась бы… Смех у нее красивый, серебристые такие колокольчики…» – Ты кто такой? – спросил уже строго.

– Гошка я! А ты чо к Зинке цепляешься? – И дальше мед-

ленно полилась совсем уже пьяная матерная брань. Ничего нового для себя в этом потоке Турецкий не обнаружил и просто сплюнул парню под ноги.

– Не твое собачье дело, мистер Гошка!

– Ах, ты так?! – И снова мутный поток. – Ну, так я тебя научу… – Поток продолжал изливаться уже стремительнее. Очевидно, давал заряд для храбрости.

Серьезной угрозы парень не представлял, но у него могли быть помощники – из собутыльников, а устраивать массовое представление на площади Александр Борисович как-то пока не собирался. И он спокойно дождался, когда довольно-таки приличных размеров кулак парня вскинулся вверх, а затем стал описывать дугу в направлении носа чужака. Он на лету перехватил кулак правой рукой и резко крутанул его в сторону, отчего парень взвыл, скособочился, а затем нелепо откачнулся и рухнул пластом в ближнюю канаву.

Турецкий подошел к нему, наклонился и даже присвистнул от изумления: хулиган и матерщинник Гошка… спал. Немного ему, оказалось, нужно было для того, чтобы испытать всю полноту ощущений. Александр Борисович выпрямился, со смехом покачивая головой, и услышал за спиной очередной грубый возглас:

– Ты чего здесь нарушаешь?! Хулиганишь?! Драки устраиваешь?! Кто такой?! А ну, предъяви документ!

Турецкий посмотрел на стоявшего перед ним молодого милиционера в звании сержанта, лицо у которого было бу-

ро-кирпичного цвета, но Саня мог бы поклясться, что не от солнечного загара. Да и волна миазмов, долетевшая из открытого рта, любому понимающему человеку уверенно подсказала бы свое происхождение. Словом, бравый такой молодец в помятой милицейской форме, с раннего утра в меру пьяный и сверкающий разъяренными глазами, требовал от чужака соблюдения одному ему ведомой законности.

– Ты откуда взялся, козлик? – проникновенно спросил Турецкий у молодца. – И почему за порядком не следишь? – Голос его окреп. – Вон, всякая пьянь по канавам валяется, дрыхнет, а ты и не чешешься? Документ тебе?! – уже грохотал Турецкий на всю площадь, едва сдерживая рвущийся смех. – Вот тебе документ! – Он выхватил из заднего кармана брюк ярко-красное, с золотым тиснением удостоверение агентства «Глория», где на фотографии был снят в генеральской своей, прокурорской форме, раскрыл и ткнул прямо в нос блюстителю порядка. – Я – прокурор, ты понял?! Я сейчас скажу своему товарищу, а тот позвонит Лешке Привалову! И полетят с тебя, – Турецкий произнес крепкое словцо, – погоны, как осенние листья. Кто таков?!

– Сержант Брыкин! – скорее машинально, чем сознательно отрапортовал тот.

– Сержант Брыкин, слушать мою команду! Смирно! – рявкнул Турецкий совсем уже устрашающе, и парень мгновенно вытянулся. – Кру-угом! – Молодец послушно повернулся. – Ша-агом марш! – Сержант двинулся, но словно за-

пнулся в шагу. Хотел обернуться, но Турецкий снова рявкнул: – Я приказал, шагом марш! – И тот теперь уже совсем послушно утопал за автобусную остановку. Вероятно, там у них был свой клуб, что ли… Проверять Александр Борисович не собирался.

Он повернулся, чтобы идти уже, но, кинув взгляд в сторону медпункта, увидел стоящую на крыльце и хохочущую Зину. Та даже сгибалась в поясе, так ее развеселила увиденная сцена. Вот тут уже и Турецкий не сдержался и, качаясь из стороны в сторону, тоже захохотал. Потом быстро пересек площадь, подошел и спросил:

– Видела?

– Ну, цирк! – Она обеими руками вытирала слезы.

– Откуда эти монстры, которые свято оберегают твою, надо понимать, девичью честь?

– Так из-за будки же, там у них – тенек.

– Ни хрена себе! А народ-то, вообще, где?

– Мужики рыбу тягают, жены помогают им, а по домам – старики да старухи, но те ближе к вечеру ко мне подтянутся.

– Так ты одна? – Она кивнула. – Не хочешь пригласить в гости?

– А ты не боишься? Страшной мести? – Она кивнула на остановку.

– Так один, самый опасный, тип уже спит в канаве, а ваш «законник» марширует. По моему приказу.

– Видела! – Заливаясь от смеха, она замахала руками. –

Заходи, если дел нет.

– Вот и хорошо, полечи меня… чем-нибудь и от чего-нибудь. Я думаю, у тебя хорошо получится. Во всяком случае, ночной курс лечения оказался просто божественным. Ты – великий доктор.

– А давай проверим! – Она в смущении опустила глаза, но, когда он вошел, закрыла дверь на щеколду и повисла у него на шее. Ох и сладко же она умела целоваться! И очень тяжко было ему стоять, держа на весу страстно изгибающееся в его объятиях сильное Зинкино тело.

– Ты сегодня прямо светишься вся, – с трудом проглотив комок в горле, негромко сказал он, опуская на пол тихо постанывающую женщину.

– А кто виноват? – Она отдышалась и лукаво прищурилась. – Садись, хорошим чайком угощу…

– Я тебя, наверное, здорово компрометирую? В том смысле, что уже и пьянь всякая в курсе того, что я к тебе дерзко пристаю?

– Не обращай внимания. Это – деревня, им больше нечем заняться. Если бы ты только знал, Санечка, как все это мне осточертело!

«Вот она, наша «малая родина», – пронеслось в голове у него. – И вот как мы ее обожаем… Три березки под окном… ситцевый платочек – на калитке…»

– А закрыть ты не можешь эту богадельню?

– Ну а вдруг?..

– А ты объявление повесь. Профилактика, мол, уехала за лекарствами, еще чего-нибудь придумай.

– И что дальше?

– А дальше было раньше. Можем продолжить концерт по заявкам. Я, к примеру, заеду за тобой на машине, ты сядешь, и мы уедем… куда там тебе обычно надо? Где ваша главная аптека?

– В Замотаевке, пять километров отсюда.

– Вот мы и поедем… до Дуськиного забора, а там загоним машину во двор и вернемся сюда, когда ты скажешь. Тоже на машине.

– И что у Евдокии станем делать? – уже заинтересованно спросила она.

– Как – что, конечно, уроки учить! Пройденный материал. Повторенье – мать ученья, слышала?

– Слышала, – задумчиво сказала Зина. – Тогда знаешь что? Объявление я, пожалуй, напишу, но только и ты, Санечка, помоги мне немного. Давай съездим в Замотаевку, и я все-таки заберу там свой заказ. Не люблю врать, а так – какая-никакая, все же правда. Это полчаса, не больше, много не потеряем, но хоть причина будет. Да и езды тут пятнадцать минут, поможешь? А то от них не дождешься транспорта.

– Какой разговор! – обрадовался он. – Сиди, сейчас за машиной сбегаю… Объявление только напиши, что откроешь пункт часов… ну, скажем, в пять-шесть.

– Ну и хулиганы ж мы с тобой! – серебристо рассмеялась Зина. – Ох, Санечка, чую, собьешь ты меня с пути истинного!

– Знаешь, Зинуля, вот сколько живу на свете, столько и слышу: сойдешь, собьешься, уведут… с этого истинного пути! Но хоть бы одна собака показала, где он, этот истинный-то? И вообще, интересный он или нет? А может, там одна тоска зеленая? Так на кой он мне нужен? Не думала?

– Нет… – неуверенно сказала она, готовая в любую минуту рассмеяться.

– Вот и я тоже. А на нет и суда нет, значит, и не будем ломать себе головы. Короче, я уже в пути… Да, – он вернулся, – я думаю, что мы вполне можем сделать где-нибудь по дороге недолгую остановку. Стекла-то у меня затемненные, благодать! Ты – как?

– Ждешь возражений? А их не будет!

– Ай, молодец! – И он быстро пошел к Дусиному дому.

– Ты далеко, Саня? – спросил Грязнов у Турецкого, который открывал ворота, чтобы выехать. Вячеслав стоял на крыльце, а из-за его спины выглядывала любопытная мордашка Дуси с растрепанными волосами.

– Рядом тут, в Замотаевку, хочу помочь Зине лекарства привезти. Скоро будем.

– А вы не шибко торопитесь, – посоветовал Грязнов. – Но и к обеду не опоздайте, сегодня свежая стерляжья уха и судак

по-польски. Как надо, по-настоящему, сам прослежу!

– Ишь, гурманы… А когда обед?

Грязнов обернулся к Дусе, что-то спросил и крикнул:

– Часа через два, так что можете даже и задержаться, покатайтесь по округе, тут места, говорят, красивые. А еще лучше, на бахчу скатайте, мы и от хороших арбузов не откажемся, да, Дусенька?

– Ох, не откажемся. – Она широко зевнула и заразительно засмеялась.

– С вами все ясно. – Турецкий махнул рукой и уселся за руль…

«Странное какое-то время, – думал он, неспешно катя по улице, чтобы не поднимать клубы пыли. – Что это, подарок судьбы или очередное сумасшествие? Ну, со Славкой понятно, он – из тайги… А Зинка как же? Вот въехала в душу и улыбается, зараза… И рука не поднимается выпихнуть ее оттуда… А может, и не надо пока? Ведь не зло же творится, а, скорее, добро, – вон как она сразу ожила…»

Рассказанная ею утром история не выходила из головы. И чисто по-человечески он прекрасно понимал ее возмущение. Но, являясь не просто посторонним сочувствующим, а при этом еще и профессионалом, Турецкий понимал, что сам не может иметь к этой тяжкой, прямо надо сказать, истории никакого отношения. Есть, в конце концов, служебная этика. Есть здесь какие-то связи и у Славки, да хоть и с тем же генералом Приваловым, вот и пусть тот напряжет ма-

ленько местных товарищей. Которые уже с утра предпочитают напиваться, а не скучную службу нести. Как, впрочем, и повсюду. Одна и та же картинка-то.

Но, с другой стороны, он был опять-таки профессионалом, и это качество, помимо как бы его воли, уже само по себе делало его сопричастным событиям, в которых мучаются и страдают по-своему близкие уже ему люди. Они же знают, кто он и на что способен, если только захочет. И когда он ловил на себе заинтересованный и даже восхищенный взгляд той же Зины, он, естественно, меньше всего решился бы отнести его смысл на счет своих мужских качеств. Все-таки котлеты – отдельно, и мухи – тоже. Не надо путать французское и коричневое. Конечно, Дуся уже что-то рассказала Зине о нем, а той – разумеется, Славка, иначе откуда такая прямо-таки восторженная встреча? А уж Славка живописать умеет. И вот это раздвоение между «не хочу» и «надо бы» очень беспокоило душу Александра Борисовича.

Браться? А как? С какой стати? Кто разрешит, в конце концов? Кто захочет отдать ему материалы предварительного следствия? Это же чистый абсурд…

Но снова всплывал перед глазами почти умоляющий взгляд Зины, и просто так отринуть ее невысказанную просьбу, сославшись на свою занятость или там непричастность, было бы очень сложно. Да она и не поверит. Как не поверит и та же Дуся, готовая поверить, кажется, всему, что ни скажет Славка. Но там – другое дело, там женщина завязла в своих

чувствах уже по уши, как муха в банке с вареньем. И сладко, и выбираться не хочется, а надо… Да у нее все на лице написано.

Он вдруг подумал, что по крупному счету именно такая вот Дусенька вполне могла бы составить Славке самую достойную пару. В принципе, ведь Грязнову совсем не нужна какая-то эффектная и сильно образованная красавица, которая «представляла» бы его, скажем, в высшем свете. Да Славка и сам никогда туда не пойдет, если нужда сыщика не заставит. А куда нужда заставляет, туда женщин не берут с собой, там иногда даже стреляют. Значит, ему необходима другая женщина, такая, которая оказалась бы рядом с ним не в театре, куда Славка тоже не ходит, и не в библиотеке-читальне, а дома – на кухне и в мягкой постели, в жарких объятиях… А как она влюбленно, без всяких дураков, смотрит на него! Как при этом забавно шевелятся ее губы, когда она будто повторяет про себя каждое сказанное им слово! Да тут же все абсолютно ясно…

Одно неясно: насколько Славка сам созрел для принятия, наконец, кардинального для себя решения. Годы-то идут, и все быстрее, а остаться однажды в полном одиночестве – друзья-приятели не в счет – это, наверное, страшное испытание. Особенно для человека, прожившего в ярком кругу почитания лучшие годы своей жизни – в славе и почете, в веселых подначках, но и в серьезных испытаниях.

С Дениской пока история смутная, когда он появится на

родине и появится ли вообще, остается только гадать. Служба у него такая проклятая, что – ни семьи, ни потомства. Значит, Славке остается лишь надеяться, что однажды появится человек, который станет ему самым близким, и – тьфу, тьфу, тьфу! – хоть глаза закроет в последний раз.

И сейчас же перед внутренним взором появлялась Дуся – роскошное создание, о котором человеку с самыми простыми жизненными запросами, – а Грязнов именно такой, – остается только мечтать. Так, может, не стоит и огород городить, а поговорить с ним наедине всерьез? Турецкий не любил вмешиваться и вникать в интимные подробности жизни даже самого близкого друга – а Славка и был именно таким, – чтобы еще и советы давать. Но, наверное, иногда это надо делать. Хотя, с другой стороны…

Он же помнил, сколько раз Грязнов уверял, будто нашел себе такую подругу, что уже до конца жизни. И где они все? Правильно, Славка не создан для спокойной семейной жизни, но они-то, любимые женщины, и не хотели этого понять. Оттого и конечный результат таков. А если подумать? А что, может, с Зинкой посоветоваться, так, без передачи? У нее ум острый, суждения любопытные, вообще, самостоятельная женщина, правда, потерявшая главный свой ориентир в связи со смертью действительно, наверное, любимого человека. Но она избегала о нем говорить, только в третьем лице – «он был…». Наверное, боль еще не прошла, но жизнь убеждает, что жить с одной только болью нельзя, глупо.

Вот, кстати, если подумать, то ведь Дусенька – как это здорово звучит у Славки! – представляет собой именно ту женщину, которая и останется с ним до последнего. А может, – какие ее годы, сорока еще нет! – и дите мужу родит. И тогда Славка просто обязан будет дожить до глубокой старости, чтобы поднять на ноги свое драгоценное потомство, о котором он, кстати, всю жизнь мечтал. А это еще лет двадцать, никак не меньше… Тем более что и тайга по-настоящему и его самого поставила снова на ноги. Вот и считай теперь, что лучше – гордое, понимаешь ли, одиночество или медленное, мудрое старение в объятиях любимой женщины?.. Ну и в окружении, как говорится, будущих маленьких сыщиков, или «активисток и просто красавиц».

А как к появлению Дуси в Славкиной жизни отнесутся друзья-товарищи? Да все равно. Зато когда Славка ее оденет, как надо, – а уж помочь есть кому, – да на высокие каблуки поставит, все наверняка ахнут: уж чем-чем, а здоровьем, крепкой фигурой да статью женской она всем Славкиным знакомым москвичкам сто очков даст! Всем носы утрет. И это будет правильно. Видно же, как у Грязнова тут за какие-то день-два круто «поехала крыша», как каждую свободную минуту он ловит, чтобы прикоснуться к этой женщине. А она? Да она уже, похоже, душу за него заложить готова…

Интересно, как быстро думается, когда ты кровно заинтересован в своих действиях… Не успел доехать до медпункта, а в голове уже сложился приблизительный план наступатель-

ной операции. Только бы не перегнуть, не показать Славке, что ты так настойчив по каким-то своим собственным соображениям, а, в принципе, не испугать его, ибо он тут же начнет напряженно думать и все испортит. Сомнения, возражения, а в результате – трусливый откат на прежние холостяцкие позиции. Тактика теперь нужна правильная, если уж в голове сложилась реальная стратегия…

Зина ожидала его на крыльце с целой охапкой сумок в руках, на двери белел приколотый бумажный листок. Глаза Зины искрились. «Ой, братцы, не доедем мы, кажется, до аптеки…» – растерянно подумал Турецкий и вышел из машины, чтобы открыть правую дверцу и помочь женщине забраться в салон. Почему-то захотелось еще и подтолкнуть ее аккуратненько этак под попку – вот прямо зачесалась ладонь, и все тут. Но она поняла его хулиганские намерения и, показав кончик языка, сама взлетела в салон. А он бросил ее сумки на заднее сиденье и разочарованно вздохнул. Она загадочно захихикала, поглядывая на него искоса. Здорово это у нее получалось!

Решили не пылить, а выехать на большую трассу и двигаться по ней.

– А там есть хоть какие-нибудь укромные местечки? – как бы нейтрально спросил он, но мысли его были настолько однозначны, что не заметить их было невозможно, и, конечно, она заметила.

– Ты разве не торопишься?

– А что, видно?

– Да мне еще со вчерашнего вечера было все прекрасно видно. Не умеешь ты скрывать своих чувств. Или не хочешь.

– Второе правильнее…

И он вдруг решился поделиться с ней своими недавними мыслями. Но предварительно взял с нее самое честное-пречестное слово, что она даже и во сне не подумает нечаянно проговориться Дусе.

Зина заинтересовалась. Но ей и в голову не могло прийти, о чем заговорит Турецкий. А услышав только преамбулу, она в полном изумлении уставилась на него, так что ему даже пришлось прижаться к обочине и остановить машину.

Выключил двигатель, повернулся к женщине всем телом.

– Либо ты – мне помощник, либо нет. Подумай. Но в любом случае то, что ты услышишь, должно умереть, иначе случится беда, и два человека, которые, по моим наблюдениям, друг в друге души не чают, никогда больше не встретятся.

Выслушав потом его пространную речь, Зина спросила:

– Ты это сейчас придумал? Ну, сегодня, я имею в виду?

– Какая разница? Ты не разделяешь моих мыслей?

– Боюсь, Санечка, что ты придумал себе новую сказку про Золушку. А Дуся – не Золушка, а живой и очень ранимый человек, я-то знаю. И любой ее нервный срыв может привести к трагедии.

– Так нужно, чтобы не было трагедии. Думаешь, если я был бы полностью уверен, я бы обратился к тебе за советом?

– Ты – храбрый человек.

– Это ты, что ли, пьянь имеешь в виду?

– Нет, дорогой, твое вмешательство в чужие чувства. Что ты о них знаешь?

– Не-а, здесь я вовсе не храбрый. Скорее, слабый, наверное. Видишь, вот и тебе заморочил голову, хотя… – Он не закончил, потому что Зина перебила его:

– К тебе у меня нет никаких претензий, наоборот, я сама знала, на что шла. И благодарна тебе, и впредь буду благодарна, ты мне свободно вздохнуть, наконец, помог… Но ты подумал, что может случиться, если Дуся не приживется у вас в Москве? Ну, не сложится у нее? Одно дело – погулять в охотку, одиночество с хорошим человеком скрасить, развеять, и совсем другое – кинуться головой в прорубь.

– Это я тоже понимаю, думал уже. Но что-то ведь делать надо. Я же знаю Славку, дай бог, добрых три десятка лет, если не больше. А Дусю – совсем не знаю, только первые впечатления. Но – очень хорошие. Не знаю, Зинка, может, я и не прав. – Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. – Другое предполагаю. Станет гораздо хуже, если они действительно влюбятся друг в друга, а потом, из каких-то «Золушкиных» соображений, расстанутся. И уже навсегда. Не подумала об этом?

– Хочешь подтолкнуть?

– Ну конечно, вот как тебя – под попку, да не успел, больно шустрая ты оказалась.

– А я это поняла, – рассмеялась она. – Ишь, какой быстрый, а если б кто увидел? У нас же в каждом окне по перископу! Поехала медсестра за лекарствами и привезла – это одно, а когда отъезжает женщина, подсаженная в машину, как ты говоришь, под попку, ни у кого не возникнет сомнений, куда она едет и зачем. Все же вы вернетесь домой, а нам с Дусей тут дальше жить. Вот о чем подумай… А свернуть мы можем вон подальше, направо, съезд в лог, там густой кустарник, деревья высокие, тень есть, птицы поют… Если хочешь, конечно… – Она улыбнулась одними губами.

– Знаешь анекдот? В купе едут грузин и прекрасная девушка. Он напряженно наблюдает за ней, а она читает книгу. Наконец, он не выдерживает. «Дэвушка, пачему ти молчишь?» Она: «Хочу и молчу!» Он кричит с восторгом и возмущением: «Хочет! И молчит!»

Зина рассмеялась и показала пальчиком:

– Во-он там съезд…

Вернулись они домой, разморенные жарой и словно измочаленные, к трем часам. В машине лежали сумки, набитые лекарствами, и картонные ящики. Все-таки и на это хватило времени. Грязнов посмотрел, подозвал Дусю и что-то забавное прошептал ей на ухо. Она заулыбалась, но тут же убежала на кухню и притащила на стол в большой комнате целый чан наваристой, золотистой ухи. Сели есть. Дуся долго молчала, и видно было, что это ей давалось с трудом, а потом все же спросила нейтральным таким тоном:

– Про лекарства-то хоть не забыли?

– Целую машину, – не обратив внимания на интонацию, ответил Турецкий. – Вот пообедаем и разгружаться поедем. А что, уже надо чего-нибудь? – И сам испытующе посмотрел на хозяйку, да так, что та невольно вспыхнула. А Зина, с трудом подавив смешок, быстро, искоса, кинула взгляд на Саню, но тот проявил максимум хладнокровия, ничего якобы не понял, и все успокоились…

Все оставшиеся дни отпущенной Турецкому недели они с Грязновым удили рыбу и приносили домой достаточно хорошую добычу. Хватало не только на еду до отвала, но и на вяленье Дусе уже для грядущей зимы. Зина прибегала теперь каждый вечер без приглашения, едва темнело, и оставалась с Саней до рассвета, изнывая от счастья и едва не плача от скорой разлуки. Как-то уж так получалось, что она стала неотъемлемой участницей Дусиных застолий.

Но все, к сожалению, однажды кончается, закончилась и неделя отпуска. Слава с каждым днем становился мрачнее. Очевидно, жалел, что Саня должен был уезжать, привыкли к постоянным разговорам, что называется, по душам, да и сама компания с Саниным отъездом, естественно, разрушалась. Зина усиленно делала вид, что ей весело, а по глазам было видно, что на сердце у нее кошки скребли. И ночами она стонала не то от наслаждения, не то от навалившейся душевной боли. К недавнему разговору в машине они с Турец-

ким больше не возвращались.

И наконец настал день, когда в джип Турецкого были погружены «волжские дары» – пара банок икры, купленной у рыбаков, завернутые в промасленную бумагу крупные куски копченой осетрины, несколько стерлядей, обложенных льдом, и прочее жареное и вяленое многообразное рыбное ассорти.

Прощаясь с Зиной, с которой Турецкий уединился на веранде, он сказал, стараясь быть предельно мягким и нежным:

– Пожалуйста, не забывай о нашем с тобой разговоре, а я тебе дам знать, как развернутся дальнейшие события. А по поводу Калужкина ты держи меня в курсе, ладно? Может быть, не все так угрюмо, как кажется, мы ж с Приваловым все-таки сумели поговорить, и он обещал разобраться, так что пусть Катя не вешает носа. Но если случится что-то непредвиденное, все равно звони или напиши в агентство, адрес знаешь. Да и Славка скоро вернется домой. А лично тебе я вот что хочу сказать. Зина, эта неделя, прожитая с тобой, верь мне, не забудется, и кто знает, как сложится жизнь, может, еще и увидимся. Но я тебе благодарен за твой смех серебряный и сердце твое золотое. Ты – очень хорошая женщина, таких на свете мало, дай тебе Бог счастья, раз уж я не могу.

– А хотел бы?

– Очень.

– Ты считаешь, – помолчав, сменила она тему, – что у Ан-

тона все-таки еще что-то может повернуться в лучшую сторону? Помогут ему эти ваши коллеги, или дело безнадежное?

– Послушай, ему же выдвинуто обвинение, в числе прочих, и в убийстве твоего… доктора. Как же ты можешь проявлять столько беспокойства о таком человеке?

– Да не убивал он, Санечка! И соседа своего тоже не убивал! И милиционера! Ну, как ты не хочешь понять?

– Но ведь факты против него? Или я просто ничего не понимаю.

– Конечно, не понимаешь, – убежденно сказала Зина и насупилась.

Турецкий ласково обнял ее плечи. И снова удивился, какой она смотрелась тоненькой и нежной, словно десятиклассница, а ведь ей уже около сорока, ровесница Дусина. Но та казалась крепкой и устойчивой и в жизни, и, вероятно, в любви, а Зина, хоть и была на самом деле тоже сильной и энергичной во всех своих проявлениях, все равно выглядела вчерашней школьницей, юной светловолосой девушкой с золотистыми глазами, красивой статуэткой, – вот ведь как сумела себя сохранить! Для кого, славный ты человечек?..

И почему этот Калужкин, о котором еще неделю назад Турецкий и слыхом не слыхивал, ее так волновал? По причине явной несправедливости его судьбы, или она все еще надеялась, что друзья-генералы действительно способны кардинально повернуть ход событий, стоит им только захотеть?

А они почему-то не хотели? С земли-то всегда видней, как любят повторять сыщики, но только они со Славкой знали то, что было ей, увы, недоступно, как человеку, не отягощенному профессиональными знаниями. Да и что бы он ответил, по правде говоря? Что Бог поможет?

Он, в конце концов, так и сказал. Но в глазах ее не прочитал ответной уверенности…

Время для субботнего отъезда выбрали такое, чтоб Турецкий к вечеру мог остановиться в Воронеже – это примерно половина пути, – а с утра без всяких трудностей, по холодку добраться до Москвы.

Доехали с ним до околицы, там вышли из машины, расцеловались, у Зины на глазах стояли слезы, а Дуся и не скрывала своих чувств, всхлипывала прямо совсем по-детски и терла глаза кулачками. Грязнов все кивал, словно прощался надолго, и бережно прижимал женщину к себе. Никогда еще Александр Борисович не уезжал в таком подавленном настроении и с такими проводами, наполненными искренней горечью расставания. Он чувствовал себя неловко, будто в сапогах ворвался в чужую, размеренную и привычную жизнь, наследил в ней и теперь бежит без оглядки. Ну, женщины – понятно, а Славка-то? Он же через неделю будет тоже в Москве. Нет, значит, что-то очень важное и совсем близкое сердцу Сани оставалось здесь, в отдаленной станице, пронизанной жаркими ветрами из заволжских пустынь. Такое, что потом будет сниться как сладостное, но так и

несбывшееся предсказание.

Турецкий, отъезжая, посмотрел в зеркальце заднего обзора и увидел две уверенные в себе фигуры, стоявшие обнявшись, и чуть поодаль – стройную женщину в простеньком синем платье с белым воротничком школьной отличницы, слабо машущую ему вслед приподнятой рукой…

Впереди, через сутки, будет Москва, Ирка и работа. Все… пора переключаться на новый ритм жизни…

Глава четвертая
Гости

Грязнов предложил женщинам вернуться к столу и еще раз пожелать Сане удачного пути, тем более что завтра – воскресенье, приедет домой, отдохнет, душ примет, и покатятся трудовые будни. В агентстве народу мало, большинство – в отпусках, так что Турецкому наверняка предстоит самому в срочном порядке решить немало накопившихся вопросов. Но Зина, сославшись на головную боль, да оно и понятно было, отправилась домой. Надо маме помочь с ее огородными делами, поскольку всю последнюю неделю только собой да своими чувствами и занималась, а дому – никакого внимания. Конечно, ее подавленное настроение можно было понять, и дело не в головной боли, а в том, что теперь каждый предмет в Дусином доме, включая старую кровать на веранде, будет напоминать ей об упущенном, потерянном счастье. Видела Дуся, что творилось в последние два дня с подругой, как ненормальная цеплялась она за свою любовь, все готова была отдать, зная заранее, что расстанутся они обязательно, но, наверное, хоть капелька надежды оставалась. До той минуты, пока Саня не сел в свою машину уже там, на шоссе.

– Ладно, подруга, отдохни от переживаний, только ты не забывай, заходи, ты – всегда желанная гостья.

И Грязнов энергичными кивками подтвердил ее слова. Но Зина лишь печально и как-то болезненно улыбнулась и молча кивнула в ответ.

– Сильно переживает, – пожаловалась Дуся на ухо Славе. – А знаешь, какой она славный человечек?

– Да уж видно… Но что поделаешь? Через голову не прыгнешь, это – жизнь, дорогая моя, а она вся сплошь – из встреч и расставаний.

– Ты прав…

Дуся тоже загрустила, думая теперь о своем. И к ней скоро подкрадется минута, когда она вот так же, подобно Зине, будет с тоской смотреть вслед отъезжающему в аэропорт автомобилю и сознавать, что, увы, жизнь действительно представляет собой бесконечную череду встреч и расставаний. Только вот встреч – ненадолго, а расставаний – навсегда… Плакать хотелось. И Грязнов, почувствовав ее тягостное настроение, обнял ее прямо посреди улицы, и, уже никого не стесняясь, так они и пошли дальше. Со стороны посмотреть: немолодые люди, очевидно, искренне полюбившие друг друга…

Дома Вячеслав вдруг оживился. Дуся посмотрела на него с удивлением.

– Слушай, Дусенька, а что у нас поделывает твой замечательный братец? Мы с ним днями говорили по телефону, я его пригласил, хотел с Саней познакомить, но у него была какая-то важная комиссия из Москвы. А я знаю, что это

такое: сплошные капризы, недовольства, дурацкие вопросы, которые и умного поставят в тупик, а в результате – охота, рыбалка и баня с приятной обслугой женского пола. Знакомые дела. Но ведь праздники и выходные руководящий народ, помню из опыта, предпочитает проводить в домашних условиях. Так что, если они уже отчалили, в чем не сомневаюсь, Леша, вполне возможно, тоже освободился и, если ты не будешь возражать, может подъехать к нам? А мы ему стерляжью или осетровую ушицу, соленья твои замечательные… Вот и выпадет нам, наконец, возможность поговорить без всяких там… И без посторонних. Не люблю, понимаешь, экивоков. А рыбку-то, если сам не наловлю, у рыбаков ваших куплю, я с ними уже перезнакомился, есть и неплохие ребятки. Так как?

– А почему у меня должны возникнуть возражения? С удовольствием приму. Если он только захочет, ты ж знаешь, он этот… ну, как их?

– Трудоголик, что ли? – засмеялся Грязнов.

– Вот, он самый! – радостно приняла она его смену настроения, а то у самой было пасмурно на душе, все никак скорбный образ Зины не выходил из поля зрения. Терпела, держалась, а теперь, небось, бедная, кусает подушку и трясется от рыданий. Как это было знакомо и понятно Дусе и в ее одиноких, вдовьих ночах… А то ли еще будет? Будь они прокляты, эти ночи!

– Ну-ну, не грусти… – Грязнов понял ее настроение, об-

нял за плечи, развернув лицом к себе, и сказал из губ в губы: – У всякого минуса есть и свои плюсы, никуда не денешься. Зато теперь тебе не будет нужды сдерживать свою сумасшедшую страсть, я правильно подумал?

– Ах, Славка! – Она кинулась его целовать.

– Ну хорошо, хорошо, милая, только дай я сперва позвоню, а то у него могут найтись неотложные дела, – воскресенья все-таки для таких лентяев, как я… А уж потом мы с тобой займемся подготовкой. На пристань схожу, посмотрю, вернусь пораньше, а то я уже успел соскучиться. Ты как?

Она радостно засмеялась, задорно встряхивая черной гривой своих роскошных волос, и Слава с воплем «Ух!» зарылся в них носом…

Он позвонил, и Привалов неожиданно легко согласился навестить и отведать домашней ухи, приготовленной специалистом. Уж ему-то было ведомо, что Вячеслав слов на ветер не бросает. Договорились на утро. Поговорить, пообедать всласть, отдохнуть и – обратно: приятное совместить с полезным. Кстати, поговорить есть о чем…

После этого Грязнов отправился к рыбакам. Он знал, что все они помаленьку браконьерили, если это дело можно было так назвать, – брали осетра без шума и хвастовства: мол, во, гляди, какого осилил! И также икорка у них всегда водилась, Сане-то на дорожку где взяли? Все у них же. Но когда Вячеслав Иванович заходил к кому-нибудь из них в дом – не на улице же торговать! – опытным носом чуял запашок ко-

нопляный. Кто покуривал травку, кто пыльцой баловался, а кто и кололся – этих по внешнему виду можно было узнать, по глазам, речи, походке. Ох, губят себя люди, оправдываясь тяжелой жизнью. А кому нынче легко?..

Слушок по станице уже прошел, что у Евдокии какой-то знатный москвич поселился, раз его к ней на постой ее брат, большой милиционер, определил. И поначалу к Грязнову, когда он арендовал лодку либо просто беседовал о том, где лучше клюет и на что, отношение у людей было настороженное, но когда народ понял, что он – мужик свой, без городских закидонов, перестали опасаться. А потом дружок приехал – веселый, не вредный, так чего ж не поговорить за жизнь? Потому, когда он попросил рыбаков ему соорудить знатную ушицу – раз, другой, каждый второй готов был продать ему за недорого все, что Дусин гость просил. И вскоре уже Вячеслав Иванович, предусмотрительно прихватив у Дуси пару больших кошелок, возвращался нагруженный всем тем, чего сам добыть не мог, – с везением, ввиду Санинного пребывания, дело обстояло непросто. Но Алексей мог бы быть довольным – и на уху, и на шашлык, и на закуску к главному застольному продукту всего было вдосталь. И то верно: угощать – так угощать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.